

ДМИТРИЙ МАНАСЫПОВ

РОДИНА ЗА НАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дмитрий Манасыпов

Родина за нами!

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Манасыпов Д.

Родина за нами! / Д. Манасыпов — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Победа будет за нами! Всегда и везде! Но что если враг получил временный перевес, если каждый бой последний? Дизель-панк, мистика и эксперимент с альтернативной историей... Середина 60-х годов XX века. Война с фашизмом продолжается. Еще не было капитуляции Германии и парада на Красной площади. Противник силен! Против РККА не только танки, самолеты и вертолеты, но даже экспериментальная техника. В секретной лаборатории под Куйбышевом немцы создают смертоносных, почти непобедимых, генетически измененных солдат. Разведывательно-диверсионная группа под командованием капитана Куминова отправляется в оккупированный немцами город. Их задача – доставить биологические образцы из вражеской лаборатории. Задание необходимо выполнить любой ценой, не считаясь ни с какими потерями. Ведь за каждым из них советская Родина! Содержит нецензурную брань.

© Манасыпов Д., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Пролог	5
Глава первая	9
Глава вторая	16
На войне, как... – 1	22
Глава третья	27
Глава четвертая	32
На войне, как... – 2	36
Глава пятая	41
Глава шестая	47
На войне, как... – 3	52
Глава седьмая	58
Глава восьмая	64
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Пролог

Воин! Вступая в бой, помни, что ты дал священную клятву перед Родиной, перед народом – бить врага, не жалея сил и крови. Так бей же немца всей силой русского солдата, всей силой первоклассного оружия! Пусть проклятый враг трепещет и дрожит перед нашей силой. Тебя ждет слава и почет. Так завоюй же эту славу в борьбе с ненавистным врагом. Пусть тебя славит Родина, как героя Отечественной войны. («На страже Родины», сентябрь 19.. -го года)

Центральный участок Приволжского фронта, 1957 год:

Лейтенант Дорофеев вздрогнул и открыл глаза. Хорошо, хоть не дёрнулся вверх спросонья. Замечательно вышло бы пробуждение, саданувшись маковкой об металл верного боевого товарища, под которым решил поспать. Хмыкнул недовольно, пытаясь понять – сколько же проспал? Поднял руку, задрав рукав комбинезона. «Зенит», еще держащийся на поношенном кожаном ремешке, показывал всего половину четвёртого дня. Хотя Дорофеев и сам понял – время еще раннее. Свет пробивался под танк, и ему не пришлось напрягать глаза, пытаясь разглядеть циферблат в прыгающих отсветах небольшого костерка, разведённого рядом в нарушение инструкции.

Странно... На плохой сон лейтенант никогда не жаловался. Особенно после суток тряски перехода и осмотра машины сразу по остановке. А также замены нескольких траков. Уж чего-чего, а пара часов сна после этого выматывающего занятия, для организма – прям слону дробина. А он от силы по тридцать минут, всего-навсего, на каждый глаз накиннул. Так чего проснулся, спрашивается? Лейтенант зевнул, полез было из-под танка, когда что-то уловил. Что-то еле осязаемое, но тревожное. Что?.. Ну не померещилось же ему?

Дорофеев встряхнул головой, стараясь совсем прийти в себя, и прислушался, насколько возможно. Война на дворе, всякое может случиться. Хотя навскидку все в полном порядке, верно?

Треск веток догорающего костерка. Тихий разговор ребят его собственного экипажа чуть вдалеке. Плеск воды и довольное фырканье командира взвода, которого между собой, за никак не скидываемые лишние килограммы и любовь к водным процедурам, называли Бегемотом. Позвякивание протягиваемой стрелком патронной ленты соседней машины. Что? А?!

Дорофеев вздрогнул, понимав – не слышно птиц. А на дворе начало осени, и пернатые в подлеске, как танкисты перестали носиться вдоль машин да вырубали движки, всё чего-то там свирители и щёлкали. Но сейчас стояла полная тишина и на нее пока, никто не обратил никакого внимания. И ещё, на самом краешке слуха ли, ощущения... Дорофеев, наконец, услышал.

Мерный шум вдавливаемой земли под ровным и тяжёлым шагом бронированных громадин, прущих сюда. Прямо к стоянке его взвода, вчера по ошибке отбившегося от основного полка и заплутавшего в густом киселе тумана. Они бы двинули в путь сразу же, когда рассветало, но радиостанции ничего не ловили. Да и туман, густой. Липкий, настоящая сметана.

Даже сейчас, когда Дорофеев, выглянув из-под «сорокапятки», вслушивался в послеобеденную тишину, туман лежал на месте. А тем, кто двигался в их сторону, он не помеха. Это лейтенант знал ещё со времён училища. Земля под ладонью чуть осязаемо, но снова вздрогнула. Тянуть стало нельзя.

– Т-р-ее-е-во-о-га-а!!!

Старший лейтенант Замятин, за спиной называемый Бегемотом, вздрогнул и резко выпрямился. Остатки воды из котелка, что связист лил на широкую спину связист, побежали за пояс и дальше. А малахольный Дорофеев, ужом выползший на божий свет уже простучал дробь подкованными каблуками сапог по броне, прыжком взлетев на башню.

– Тревога, ходуны рядом! Тревога!

Замятин открыл рот, заткнуть совсем очумевшего спросонья молодого подчинённого. В глубине леса звучно стегнуло ударом плётки. Дорофеев, в этот самый момент нагнувшийся к люку, странно дёрнулся и завалился набок, схватившись за плечо. Между пальцев, торопливо и жадно, проступили тонкие красные капли. Набухли, собираясь в пару небольших ручейков.

Замятин как замороженный смотрел за одним, быстро проползшим к ладони и оборвавшимся вниз. Хлестнуло новым выстрелом и для командира танкового взвода больше ничего не было. Лишь темнота и пулевое отверстие точно посреди лба.

Старший сержант Хасимов, наводчик основного калибра «Т-45/2», дремавший в башне, затащил Дорофеева внутрь, лязгнув закрытым люком. Лейтенант пришёл в себя, когда на скорую руку начал бинтовать ему плечо, простреленное снайпером. И тут же охнул, когда перед этим сержант полил глубокую дыру спиртом. Но стало не до боли:

– Хасим, стрелять надо, слышишь?

– Будем стрелять, лейтенант, будем, вот прям шас. Только руку тебе замотаем, да?

Лейтенант зашипел, когда полосы бинта туго притянули края выходной дырки.

– Черт с бинтом, Хасим, к орудию давай, к орудию!

Сержант оценивающе посмотрел на результат работы своих рук, довольно хмыкнул и развернулся к прицелу:

– Черт так черт, малай. Теперь и пострелять можно, ага.

Дорофеев схватился за свою панораму, развернул. Рука слушалась в пол силы, отдавая резкой и простреливающей болью, разливающейся от плеча и вниз. Нахлобучил, вновь зашив сквозь зубы от боли, шлемофон. Щёлкнул переключателем внутренней связи:

– Сергеев, как двигатель?

– Как часы, командир.

– Хасимов, орудие готово?

– Всегда готово.

– Шевченко, ты как?

– Открываю огонь, товарищ лейтенант.

Загрохотал спаренный КПВТ в задней башенке. Второй стрелок танка, Николай Шевченко начал свой бой. Дорофеев повертел «перископом», выглядывая врага, а механик-водитель Сергеев уже рванул танк, кажущийся таким тяжёлым, вперёд, выводя в к просвету в самом конце перелеска. Мысленно лейтенант похвалил подчинённого, принявшего единственное верное решение, хотя вслух слегка выругал, не вмешиваясь. Надо выбраться из ставшего ловушкой маленького леска в сторону открытого пространства, замеченного ещё вчера. И механик делал все правильно, разве что не дожидаясь приказа командира.

Туман медленно растекался жирной сметаной и не уходил. Цеплялся за кусты, стволы берёз, корпус соседнего, уже всю дымившего танка... дымившего?! Дорофеев прикинул к окулярам, стараясь разглядеть номер через жирный чёрный дым. За его машиной разрывали густые белые полосы ещё два механических динозавра, огрызающиеся трещотками «Дягтерей», пятого видно не было. Лишь просека из поваленных деревьев показывала, что машина, скорее всего командирская, почему-то решила пойти своим путем.

А туман уже расступался перед гулко стреляющими из своих орудий ПШ-5¹. «Панцершрайтеры», «шагуны», ломались через пролесок, стараясь добраться до врага. Стальные

¹ *Панцер-шрайтеры (шагуны) (PzSch-V, Panzerschreiter-5) – боевые бронированные машины, с шаговым способом передвижения. Две ходовые опоры, броня (лёгкая и средняя), серьёзное вооружение (авиационные автоматические пушки с механизмом подачи патронов из коробов, закреплённых с тыльной части машины, встроенные реактивные гранатометы на базе усовершенствованных «панцерфаустов»). Также на данных машинах установлены системы радиосвязи, перехвата и слежения. Выпускаются заводами Фердинанда Порше с 1949-го года, после полевых испытаний, проведённых на территории захваченной БССР в боях с несдающими отрядами красных партизан. К описываемому времени применяются повсеместно, неболь-*

сволочи, выкрашенные в грязно-болотный цвет с широкими тёмными мазками, смогли подкрасться к отбившимся танкистам незаметно. Отклонился ли уже мёртвый комвзвода от безопасного маршрута и из-за этого танкисты напоролись на преследователей, либо немцы входили в состав какой-то группы, осуществлявшей разведку боем? Какая разница теперь, когда против двух звеньев по шесть ходячих бронированных машин осталось лишь три советских танка?

Дорофеев лихорадочно вспоминал вооружение противника, понимая, что сейчас всё может решить лишь скорость «сорокапятки», позволяющая оторваться от кинжального огня немцев и вырваться на простор. А если и придётся воевать, то лишь правильным дистанционным боем. Крути не крути, а танки-то были хоть и двухбашенными, но разведывательными и для скоростных рейдов. Легкие, да не с самой серьёзной бронёй.

Её-то авиационные скорострельные пушки калибра тридцать семь миллиметра своими новыми снарядами вскроют запросто. А ещё он не забыл про четыре многозарядных установки «фаустейфель», закрепленные по бокам «шагуна», те тоже могли задать им жару.

И тут их танк вырвался-таки на открытое пространство и рванул, рванул... Вот только из двух собратьев следом рычал один. Второй жирно чадил, всё ещё двигаясь по инерции вперёд. Высокие грязно-бурые силуэты настойчиво двигались сзади. Но они-то оторвались, оторвались... Хоть и не хотелось лейтенанту уходить просто так, не подбив ни одного из фрицев. Неожиданно танк вздрогнул, потянуло влево.

Когда Дорофеев выскочил на броню, то понял – Сергеев, полностью уйдя в отрыв, не заметил болота, прячущегося слева.

– Едрит твою налево, экипаж, к машине, бегом!!!

«Шагуны» сзади поливали короткими очередями, старались зацепить. Шевченко стрелял, стараясь прикрыть товарищей, сопящих, рвущих жилы внизу, стараясь дать «сорокапятке» выбраться. Несколько поваленных стволов, два молоденьких деревца, срубленных быстрыми ударами топоров, все, что можно кинуть под гусеницу, с чавканьем погрузившуюся вглубь бурой жижи. Всего ничего, но время бежало и бежало, и Шевченко пришлось еще хуже, когда рядом с мерно идущими и, казалось, не обращающими внимание на его пулеметы двуногими машинами, замелькали темные фигурки.

Камуфляж смазывал очертания прикрытия «шагунов», и ему пришлось стрелять именно по ним. Плечо лейтенанта, пробитое навывлет снайпером, наводило на плохие мысли. Шевченко радостно вскрикнул, когда один из «шагунов» остановился, запнувшись, полыхнул огнем и небольшими клубами дыма, начал заваливаться. Остальные машины усилили огонь, разойдясь в стороны. Цепь противников разорвалась шире, но они стали ближе. Это очень плохо. Совсем скоро смогут открыть прицельную стрельбу из гранатометных установок.

Пулеметы вздрагивали, глотая ленты звено за звеном, с лязгом выплевывая использованные металлические пластинки и гильзы. Стрелок уловил сбой в работе «Владимирова», того заклинило. Но Шевченко справился и КПВТ продолжал мерно стучать, не давая поднимать головы пехотинцам, которых пока стоило опасаться сильнее. Одна единственная подбитая шагающая машина дымила, но этого-то мало. Шевченко выругался, злясь на самого себя, когда по броне танка звонко и ритмично чем-то застучали. Он был готов поспорить, что это лупил топором по корпусу Хасим, показывая механику, что можно двигаться.

Танк рыкнул двигателем, выдав чёрное облако от несгоревшего соляра. Дёрнулся вад-вперёд, качнувшись всей своей громадой. Рванулся, стараясь выбраться с окраины болота, казавшейся спасительным простором. С треском хрустнули стволы и валежины, наброшенные

ими мобильными группами, поддерживаемыми легкой пехотой. Случай с танковым отрядом старшего лейтенанта Дорофеева практически исключительный, так как ПШ-5 чаще всего также прикрываются двумя истребительными вертолетами «Хеймдалль». Причина такого сопровождения проста – сложное и дорогое обслуживание и ремонт, занимающиеся только результатами операций, как правило – контрпартизанских. Прим. автора.

под траки, лопнули плотные пучки зелёной поросли камыша, взметнув мельчайшие капли воды и стальной монстр смог выбраться. Мехвод, не жалея фрикционов, послал машину в так необходимый сейчас бросок вперёд и практически успел. Бронебойные снаряды калибра «шагунов», с утяжелённым и упроченным сердечником, смогли вскрыть лишь вторую, заднюю башню. Шевченко хрипнул, уронив голову на грудь, заскреб руками по металлу, умирая.

«Т-45/2»² вздрогнул, когда очередь прошла по его бокам, но те выдержали. А потом, повинаясь мехводу и приказам командира, машина, славящаяся своей непревзойдённой маневренностью, развернулась на месте практически мгновенно. И двинулась к быстро приближающимся высоким силуэтам врагов, мерно лязгающих шарнирами и поршнями ходовой части. Прямо на выкрашенные в бурый цвет двуногие махины, оцетинившиеся стволами авиационных орудий на боковых пилонах и хищными головками «фаустейфелей».

Дорофеев старался отползти подальше от горящего танка. Тело мехвода свесилось из люка вниз головой. Лейтенант всхлипнул, глядя на размозженную левую ногу. Кровь уже застыла, коркой покрыв затлевший от огня комбинезон. Оперся на целую и, рвано-ломано, пополз дальше, стараясь не смотреть на мерно приближающиеся машины с черно-белыми небольшими крестами на лобовой броне. Земля вздрагивала, отдаваясь в рвущее болью тело. Немцы подходили ближе и ближе.

– Эй, Отто, мы неплохо разделили большевиков, а?

– Да, Дитрих. Эти олухи не придумали ничего лучше, как просто дрыхнуть. Туда свиньям и дорога.

– Гляди, один вроде как жив. Кажется, офицер.

– Почему? А, планшетка... прикончим?

– Потом секурист сожрёт нас с потрохами.

– Уговорил, вызови егерей, пусть заберут животное.

² Т-45/2 – основной советский средний танк в описываемое время. Назначение: поддержка пехотных соединений (включая тяжёлую штурмовую пехоту), разведка, конвоирование и сопровождение колонн снабжения. Цифра «два» в маркировке указывает на наличие второй башни. Присутствие данного агрегата для среднего танка обусловлено именно специализацией (если можно так сказать) в отношении разведывательного назначения машины, а также конвоирования грузовых колонн. Данная компоновка была создана после широкого появления в армии противника боевых вертолётов и служит для защиты танка с тыла. Замечательно реализовала себя во время прорыва участков Поволжского фронта, не давая возможности гитлеровским «истребителям танков» поджигать бронетехнику сзади. Стандартное вооружение второй башни: «спарка» из ДШК (калибр 12,7 мм) в комплекте с ТПД (калибра 7,62 мм). Прим. автора.

Глава первая

«Воинам, призванным вести разведку в глубоком тылу противника,
Осуществляя там диверсионно-подрывную деятельность,
Необходимо обладать высоким уровнем физической подготовленности
И соответствующими психологическими качествами»
(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,
Согласно требований БУ-49»,
изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

Снег под ногами хрустел как-то очень задорно и весело. Как и положено, наверное, вот-вот выпавшему снегу. Идти по нему было одно удовольствие, особенно как шёл сейчас Куминов. То есть, наступая на него не просто подошвами, а новыми подошвами совсем ещё не разношенных унтов. И именно и в этой, такой незначительной детали, тоже крылась немалая доля удовольствия от этого зимнего утра. Оно ведь как, на войне? Радоваться надо тому, что есть, этому утру, здоровому и целому себе и, уж тем более, самой возможности поскрипывать свежим снегом.

Унты – вообще обувь отдельная, можно сказать, что первостатейная. Оно, конечно, можно носить и замечательные, толстой бычьей кожи, заокеанские ботинки на шнуровке, с меховыми чулками внутри, да с шерстяными носками домашней вязки в придачу. Или, заранее плотно обмотав ногу чрезвычайно плотной зимней портянкой, нацепить щёгольские хромовые сапоги, как постоянный напарник и конкурент Куминова, старший лейтенант Абраменко. А то и вообще, не думая ни о чём, кроме комфорта по минимуму и тепле, нацепить валенки, да-да, именно так.

Но, скажите, вот на хрена козе баян, когда в каптёрке старшины разведывательной роты нашлось чудо, что сейчас на ногах капитана Куминова? Откуда они там взялись, если не входят в норму вещевого довольствия обычной дивизии? Ответ был Куминову известен точно: бардак. Война и бардак прямо родственники, вот и занесло как-то имущество, направленное на несдающийся Мурманск, к ним. Пропажу обнаружили быстро, но по спискам проходило меньше, чем на самом деле. А старшины, особенно старшины разведчиков, люди хозяйственные, да... И цену такой обуви знают, как и весь личный состав. В унтах-то хорошо.

И пусть этой паре выпало скрипеть снегом не в занесённом снегом и продуваемых насквозь ветром степях Бурятии либо Хакасии, или среди торосов Арктики, а всего лишь посреди уральского леса. Даже и не тайги, но всё равно – леса зимнего, с сугробами по колено как минимум. Нет уж, дудки, выпендриваться и форсить там, где этого не нужно капитан не любил. Не мальчик уже, не до того. Тем более унты никоим образом не нарушали установленную форму одежды, да и проверки никакой вроде бы не предвиделось. Что-что, а проверки из штаба армии капитан, как и все прочие в полку, не любил. Ну, а раз её не ожидалось, то можно в штаб идти так, как привычно и удобно.

Снег хрустел, тучи, виднеющиеся в разрывах между плотно стоящими деревьями, наливались тяжелой серостью. Это хорошо, ясное небо в последнее время несло в себе много нехорошего. Тем более сейчас, когда полк перегруппировался. Слухи о наступлении казались не пустопорожними, а это Куминова радовало. Два месяца стояли за линией фронта, лишь изредка выдвигаясь на поддержку обычным пехотинцам. Оно понятно, полк-то не простой, но стоять вот так... тяжело. Капитан радовался хотя бы ходкам на «ту» сторону, случавшимся постоянно, хоть и не очень часто. В их деле застаиваться все равно, что жиром заплывать. А разведчику такое невозможно.

С веток высокой разлапистой сосны неожиданно слетел белый пласт, запорошив двух бойцов, присевших передохнуть рядом с длинным бревном станкового гранатомёта, что те несли в сторону складов. Оба вскочили, ругаясь и выбросив погасшие папиросы, крутили головами по сторонам, не понимая – как такое могло случиться, если ветра в помине нет? Куминов чуть улыбнулся этой растерянности и тому, как та закончилась. Причина неожиданного снегозашиворотоппада важно шествовала по просеке справа.

«БШМ-55-2»³, сразу три штуки, топали к мастерским. Машины лишь недавно прибыли в дивизию, переброшенные с Арктического фронта. Раскраска, хоть и белая, отличалась от привычной для «своих» ходячих танков. Толстые тумбы ног, равномерно печатающие шаг, и кабина-морда водителя, закрытая бронешитом, были белыми с голубыми и черными вкраплениями. Верх обеих башен с толстыми и короткими стволами орудий были полностью белыми.

Все три «медведя» раньше воевали там, на Севере, где солнце выхватывало посреди ровной поверхности снега и льда лишь черные камни и торосы. Сейчас требовался чуть другой камуфляж, чтобы не так выделялись на фоне леса и предгорий Урала. А когда армия выйдет в заволжские степи, во что Куминов верил свято, тогда окраску вновь придётся менять. Да, для «медведей» лесостепные просторы подходили не так хорошо, как горы.

Машины казались обманчиво медленными и неуклюжими, верно. И выпустить их в голую степь смог бы лишь конченный идиот. Но на кручах, порой совсем уж серьезных, «мишки» двигались куда лучше любой колесной или гусеничной техники. Не говоря о вьючном живом транспорте. А вооружение, особенно для гор, было совсем серьезным.

Среди густой чащи эти хорошо вооружённые и защищённые громады тоже были неповоротливы и уязвимы, но раз доставили, то... Наступление не за горами, все верно.

Заволжье... мечта, пока недостижимая. Туда рвалась душа, туда хотелось попасть и скорей бы. Хотя бы попробовать, хотя бы сделать свой шаг к победе. Уже на памяти самого Куминова прошло десять лет, как войска Уральского фронта постоянно пытались продвинуться вперёд пусть на сто, да что там, хотя бы на пятьдесят километров. И каждый раз умывались кровью, выгрызая немного родной земли.

Немудрено, если вспомнить – какой ценой далось создание этого, казавшегося невозможным рубежа обороны. Сам капитан, понятное дело, этого момента не видел, мал был тогда. Но вот командир полка, в ту пору уже лейтенант, как-то рассказал. Тогда Куминову хватило немногого, чтобы оценить весь подвиг, совершенный в середине сороковых.

Москва, стоящая сейчас безжизненным пепелищем, но не сдавшаяся. Сталинград, превращённый в руины, но не отданный врагу. Куйбышев, оставленный армией с ожесточёнными боями, практически стёртый с лица земли, но выполнивший свою роль. Горький, ставший могилой для третьей группы армий вермахта и союзников.

Огненная стена, прокатившаяся вдоль самой красивой и самой великой из всех российских рек, остановила крестоносный шторм, дала возможность вздохнуть и собрать силы здесь, за Уралом. Если бы тогда союзники могли бы вмешаться, если бы могли... но половина островной Англии была уничтожена в один миг «оружием возмездия», а действия САСШ оказались скованными по рукам и ногам ордой, навалившейся из Латинской Америки и Японией.

Куминов, видевший съёмку из Великобритании, чуть дёрнул щекой, вспомнив. Что остановило тогда берлинских убийц, почему и по всей его родине не ударили ракетами? Осознание того, что всё превращается в бесплодную и выжженную пустыню? Возможно, что и так. Вместо этого фашистская свора, споткнувшись о Волжский и Уральский фронты, встала в пози-

³ Б(овая) Ш(агающая) М(ашина) – 55 года – 2-ой модели. Впервые шагающие танки были применены РККА в сражениях за Пермь в 1956-м году. Потребность в появлении подобной техники была продиктована особенностями ландшафта мест ведения боёв за Волгой (Пермь, Башкирия, Челябинск, т.е. – лесостепи с переходом в предгорья) и в Арктике. После удачного боевого «дебюта» были введены повсеместно. Прим. автора.

ционную войну, перед этим всё-таки уничтожив большую часть центральной России. И война затянулась на пятнадцать лет, давшие всем сторонам с величайшим трудом.

Но происходившее сейчас было неизбежно. Противники восстановили собственные ресурсы, и опять пойдёт битва не на жизнь, а на смерть. Там, за океанами, медленно продолжали вырезать друг друга потомки самураев, ковбоев и индейцев, в своё время не остановившиеся. Здесь же, на его, Куминова, родине, ему и его братьям предстояло уничтожить врага. Навсегда, насовсем, полностью.

Последний «мишка» задел огромную ель, та толкнула соседку, а снег теперь засыпал Куминова, отогнав непрощенные мысли, настырно лезущие в голову. Думать о возвышенном и героическом если и стоит, так во всяком случае не сейчас. Уж что-то, а про войну, как про сложную, страшную и тяжёлую работу, Куминов для себя уяснил давно. И, в его-то случае, куда уж тяжелее?

А раз командир неожиданно вызвал к себе во время заслуженного отдыха, так стоило ждать чего-то внеочередного. Вот капитан и решил не забивать голову чем-то сейчас вовсе не так уж и необходимым. И просто похрустел себе дальше, в сторону штабного блиндажа.

К слову сказать, но когда часть передислоцировали сюда, в этот лес, то, несмотря на имеющийся опыт, он всё же поразился увиденному. Редко доводилось видеть настолько циклопический размах рытья и преобразования земной поверхности в местах расположения пусть и серьёзной, но, в общем-то, очень даже обычной войсковой части. И это было сделано не только для расположения командования полка, шиш.

Большая часть подразделений моментально оценила сложный вырытый городок и быстро ушла в глубину его землянок и блиндажей, траншей, ходов сообщений и тоннелей, скрытых под брёвнами, маскировочными сетями и бетонными плитами, привезёнными вообще не пойми откуда.

Куминов дошёл до паутины траншей командного пункта, предъявил часовым свой пропуск. В последнее время немецкие диверсанты все чаще пытались проникать за линию фронта, бдительность в войсках была очень высокой. Его пропустили, и Куминов нырнул под накат из брёвен, укрытый толстым снежным одеялом.

Миновал просторную землянку пункта радиолокационного наблюдения. Прошёл мимо помещения дежурной смены взвода охраны. Оставил позади приоткрытый проём столовой комсостава. Есть вроде бы не очень хотелось, но так потянуло манящим запахом наваристого и мясного, что поневоле забурчало в животе.

Куминов, как и большинство разведчиков-офицеров, старался питаться со своими бойцами. Но в «офицерку», где распоряжался огненновзорный усач-кавказец Арслан, периодически заглядывал. Больно уж творчески подходил главный повар полка к своим обязанностям, умудряясь в полевых условиях создавать маленькие шедевры. Чего стоило его харчо, что без стопки водки представить себе было невозможно.

Кроме этого «джигит» старательно ухлёстывал за всем, не очень уж и многочисленным женским составом полка. Хотя по имеющимся агентурным данным (а как разведчику без них?), на самом деле всё это он делал для поддержания реноме. То есть на людях обладатель гордого орлиного профиля и густейшей чёрной щётки на верхней губе вёл себя, как и полагается уроженцу Юга.

Ухаживал за каждой по отдельности и за всеми вместе, преподнося военным в юбках ни разу не повторяющиеся оригинальные комплименты и задорно поводя угольными бровями. Закончив же все свои дела, и проконтролировав порядок на вверенной территории, удалялся в собственные апартаменты, которые ему полагались. КУНГ, палатка или отдельная землянка, в зависимости от места дислокации полка. А там, в свободное от дежурств в лазарете время, его всегда ждала скромная и застенчивая блондинка Верочка из Новосибирска. И мало кто знал,

а Куминов-то знал это абсолютно точно, что они уже как два года были мужем и женой. Вот такой вот нонсенс.

Отметив, что после получения либо задания, либо возможно-неожиданного нагоняя от «бати» стоит заглянуть к Арслану – пошёл дальше, свернув в незаметный для непосвящённых ход сразу за пирамидой патронных ящиков. Пригнулся под совсем уж низким косяком, толкнул дверь, и попал в предбанник, плотно заставленный мешками с землёй, из-за которых прямо в грудь входящему упирался страшный ствол «станкача».

Повторился ритуал с пропуском, бывший постоянным и непоколебимым, прямо как первый и единственный, несгибаемый и уса́тый кавалерийский маршал Советского Союза товарищ С.М. Будённый. Понятно, что каждого из командиров разведывательно-диверсионных групп полка знали и уважали, но поблажек не делали. Старший прапорщик Баштовой, командовавший штабной охраной, козырнул капитану, пропуская дальше.

Здесь всё было как обычно за последние три месяца. Прямо у входа сидела за столом пара молчаливых ребят в фуражках с синим околышем, приветственно мотнувших головами. За ними, нахлобучив наушники и подслеповато шурясь, сидел Петя, любимый «батянин» связист и две его миловидных помощницы. За бревенчатой перегородкой громко шумел начальник арттехвооружения полка подполковник Малинин, еле слышно что-то буркал командир разведчиков майор Сеницын. Ориентируясь по сладковатому запаху трубочного табака, становилось ясно, что там же многозначительно молчал «смершовец» майор Круглов.

Также, судя по свежей щепе на досках пола, уже присутствовал старший лейтенант Абраменко в своих щёгольских подкованных сапогах. А свежий запах оружейной смазки для зимнего времени года с головой выдавал нахождение в штабе капитана Иволгина, командира третьей разведгруппы. Тот лишь вчера вечером прибыл в расположение полка из Тобольска, где лежал в госпитале, и утром Куминов застал его за уходом за личным оружием. Командира четвёртой группы, старлея Иванова, не было уже два дня спустя позднейшего расчётного времени прибытия из рейда. И это заставляло нервничать всех его коллег, а также старших офицеров. Но кроме них присутствовал кто-то ещё, как минимум двое.

Капитан отодвинул в сторону плащ-палатку, закрывающую вход в «кабинет» комполка и оказался внутри. Догадки подтвердились – оба его товарища-командира сидели с правой стороны грубо сколоченного стола, сейчас накрытого зелёной тканью.

Абраменко, закинув ногу на ногу, покачивал носком хромового, до зеркального блеска начищенного сапога. Форменная гимнастёрка тёмно-оливкового сукна перетянута в тонком поясе и по груди портупейными ремнями. Синие брюки с узким красным лампасом заправлены в те самые щёгольские сапоги. Позвякивающий «иконостас» на левой стороне и всего одна Красная Звезда на правой стороне гордо выпяченной груди. Что поделать, любил командир одной из РДГ⁴ полка такой вот незамысловатый выпендрёж, стабильно и постоянно разящий наповал вновь прибывающих медсестёр, радисток и прапорщиц полковой канцелярии.

И заставляющий всех солдат-диверсантов, вверенных товарищу старшему лейтенанту под его строгую руку, тянуться вслед за командиром во всём, включая поведение. Иногда это даже становилось предлогом очередной ссоры между разведчиками и пехотинцами/артиллеристами/сапёрами и так далее, смотря кто оказывался в столовой в одно с ними время.

Флегматичный и практичный Иволгин сиделне выпендриваясь, затачивал бритвенной остроты «ухорезом» карандаши из письменного набора «батяни». Тот имел привычку пользо-

⁴ Р(азведывательно)-Д(иверсионная) Г(руппа) – подразделение специального назначения, состоящее из военнослужащих, морально и физически подходящих для проникновения в тыл противника. Основными задачами РДГ являются: добывание информации о противнике и его действиях (различными методами), нанесение ущерба живой и технической силе врага (различными методами). Количество личного состава и воинская специализация каждого – зависит от характера поставленного командованием задания. Подразделения разведки считаются элитой армии. Прим. автора.

ваться именно ими, нещадно ломал заточенные и каждый раз убирал лишившиеся грифеля назад в стакан. И терпеть не мог, когда кто-то из ординарцев пытался их трогать.

Исключение составлял Иволгин, в своё время обучавшийся ребёнком в художественном кружке и затачивающий карандаши до остроты игольного кончика. Последний раз он присутствовал на совещании больше месяца назад, после чего загремел в госпиталь в Тобольск. Сейчас работы оказался непочатый край, чем тот и занимался. Но думать, что почти сорокалетний разведчик не слышит и не видит ничего, механически обрабатывая один карандаш за другим, не стоило. Иволгин был старейшим офицером разведроты после командира и занимал свою должность не зря.

Майор Синицын, командир всех трёх офицеров-диверсантов, невысокого роста сухощавый и подтянутый, сидел рядом с ними. Спокойно попивал крепкий и забористый чай из стеклянного стакана в подстаканнике с эмблемой наркомата путей сообщения, невесть как оказавшегося здесь. Покосился на чуть задержавшегося подчинённого, погрозил ему пальцем, но не сказал ни слова. Хороший был признак, значит Куминов, которого посыльный нашел далеко за пределами расположения роты, не сильно и опоздал. Иначе сейчас «батя» уже поразил бы его громами и молниями полковничьего гнева.

Рядом с длинным и тощим Кругловым, представляющим на совещаниях СМЕРШ, сидели те самые двое. На мрачную физиономию особиста, украшенную тонким хрящеватым носом и аккуратными усиками, капитан никакого внимания не обратил. Чего на него смотреть, коли и так надоедает хуже пареной репы?! Хотя, чего греха таить, работал Круглов на совесть. Но двое рядом были намного интереснее.

Пожилой мужчина с бородкой клинышком, в круглых очках в стальной оправе и в хорошо пошитом костюме. С галстуком в тон светло-кремовой сорочке под жилеткой, со светлыми металлическими запонками в манжетах, виднеющихся из-под рукавов твидового, в мелкую клетку, коричневого пиджака с аккуратными овалами светлой кожи на локтях. Причёска со строгим, «под политику», пробором. Не дать, не взять, прямо вылитый бывший «всесоюзный староста», чьи портреты Куминов помнил ещё со школы.

А вот особа, сидевшая рядом с ним, приковала его внимание намного сильнее. Нет, не из-за того, что она была ПРОСТО женщиной. На совещаниях из всех командиров женского пола присутствовала чаще всего лишь начальник полковой медсанчасти, майор медицинской службы Порошнева и начальник столовой капитан Полякова. И странного в этом было мало, больше женщин офицеров в части не случилось. Всё-таки не женское это дело, война. Нет, всё дело оказалось именно во внешности молодой женщины, сидевшей рядом со «старостой».

Внешность, на взгляд Куминова, была очень даже неординарная, до жути привлекательная и донельзя просто интересная. «Среднего роста, спортивного телосложения, смешанного славяно-азиатского типа» – мысленно и механически отметил капитан, тут же выругавшись на самого себя. Ну, разве это дело, так вот думать про такую красоту? Далекое не типичную и оригинальную, делающую абсолютно понятной слишком уж фотографичную посадку Абраменко и его же постоянное шевеление с целью как можно более громкого позвякивания наградами.

Густые чёрные волосы, длиной явно чуть ниже плеч, собранные сейчас в хвост на затылке. Большие карие глаза с едва заметным тем самым азиатским разрезом. Смуглая кожа открытого и чуть улыбающегося полными губами лица. Родинка на подбородке. Почувствовав пристальное внимание вновь вошедшего офицера, девушка повернулась к Куминову, в какой-то момент встретившись с ним глазами.

Взгляд она не отвела и даже еле заметно нахмурила тонкие, вразлёт, брови того же иссиня-чёрного, что и волосы, оттенка. Капитан сморгнул, неожиданно для самого себя покраснел и присел к Иволгину, предварительно повесив полушубок на один из гвоздей, торчавших из бревенчатой стены. И лишь после этого понял, что его чутьё неожиданно подвело, а новых лиц вовсе даже не двое, а целых три.

За большой картой, установленной на бывшем кульмане, что «батя» перевозил за собой и вокруг которого имел привычку наяривать круги, поругивая подчинённых, кто-то сидел. Две лампы, висевших на потолке и запитанных от дизельного генератора, не давали достаточно света. Потому сидящий в одном из складных стульев человек полностью прятался в густой чернильной тени за картой.

Полковник Медведев, навис над столом с разложенной картой, буравя взглядом явившегося запоздавшего подчиненного. Кулачищи комполка опирались на столешницу, покрытую зеленой тканью, где стояла тарелка с крупно нарезанной колбасой и хлебом, чуть парил из носика чайник, красовались открытая «жестянка» со сгущённым молоком и початая плитка «Золотого ярлыка».

«Батя» еще раз хмуро зыркнул на Куминова и продемонстрировал ему же громадный литой кулачище. Капитан, скромно пожал плечами, дескать: а чего сразу я? Но оправдываться не стал. Ведь если комполка с ходу не обрушил на него свой гнев в виде несколько этажных и сложно построенных матерных конструкций, то не всё ещё так плохо. Хотя – как знать?

Полковника Медведева, мрачного исполина с внешностью отпетого душегуба из кинофильмов, в полку уважали и любили. За то, что он начал свой путь лейтенантом мотопехотного, 66-го Благовещенского полка, брошенного в мясорубку у излучины Волги в сороковых. За то, что он в нём же стал командиром через пару десятков лет, пройдя через многое и не забыв ничего. За то, что никогда не бросал своих солдат, даже оказавшихся отрезанными противником. За что ему часто выговаривали в штабе дивизии, неоднократно грозили «съёмом» с должности... Но никогда не снимали.

Потому как знали: этот, полностью подходящий под собственную фамилию громадный офицер, всегда выполнит возложенную задачу. Равно как и полк, что порой обзывали «диким», разносили на совещаниях дивизии, армии и фронта, нередко наказывали по мелочи и никогда по-крупному, зная: эти ребята свое дело знают и задачу выполняют. Полягут, если нужно, но выполнят.

И за это все в части готовы были выдержать даже бурный поток мата, к счастью, бывавший редким гостем в речи командира. А если изливался на кого-либо, то только на офицеров. В сторону солдат Медведев себе такого не позволял, считая, что в любой ошибке рядового состава виноват только командир, и никто другой. Потому уживались с ним не все из приходивших вновь офицеров. Большинство просило спустя какое-то время перевода, но зато те, кто оставался, в «бате» души не чаяли. А для выполнения его приказов готовы были пойти хоть в огонь, хоть в воду, хоть в медные трубы. То без разницы, зная – с тыла их всегда прикроет весь остальной полк, а от командования с дивизии – Медведев.

– Продолжим то, чего так и не начали, – «батя» ещё раз покосился в сторону опоздавшего. – Благо, что товарищ капитан наконец-то соизволил прибыть. Да, Куминов?

– Товарищ полковник, я... – Тот встал, понимая, что лучше бы молчать, но...

– Я, я... – комполка нахмурил бровь. – Дальше продолжать?

Куминов вздохнул, исподтишка глянув на чуть недовольно нахмурившуюся брюнетку:

– Головка... от кумулятивного снаряда.

И сел, почувствовав, как вновь смутился. Рядом чуть хмыкнул Иволгин, толкнув его локтём в бок. Абраменко, решивший заготовить, поперхнулся невырвавшимся смехом, незаметно заработав то же самое от Синицына.

– Итак, товарищи офицеры! – Медведев стукнул кулачищем по столу. Чайник подпрыгнул, а один из кусков колбасы не замедлил воспользоваться возможностью и шлёпнулся прямо на разложенную карту. Почти шлёпнулся. Успел смершовец поймать его в полёте, не дал оставить на бумаге жирного отпечатка. Полковник благодарно кивнул и продолжил:

– Впереди у нас с вами сами знаете, что. То, чего мы ждём уже много лет, к чему стремимся вместе со всей нашей страной. К чему шли все эти годы, стиснув зубы и зная про звер-

ства, творимые за Волгой. Час близок, дорогие мои товарищи. Но есть несколько закавык, которые могут помешать нашему с вами долгожданному возмездию фашистам. И хорошо, что об этом там, в Новосибирске, знают уже сейчас, а мы с вами можем упредить врага.

Куминов переглянулся со смершовцем, сделав вопросительные глаза. Тот лишь дёрнул щекой, дескать, ты слушай дальше и поймёшь. Разведчик пожал плечами и повернулся к командиру полка.

Медведев скользнул глазами по подчинённым и продолжил:

– Как стало известно Центру, в Куйбышеве, в подземном городе, фашисты проводят эксперименты по созданию очередного «чудо-оружия», которое может позволить им склонить чашу весов в свою пользу.

Его слова раздались в полной тишине, и сразу же дошли по назначению. Каждый из присутствующих стиснул зубы, мысленно попытавшись понять и осмыслить сказанное. Очередное «чудо-оружие», уже в который раз разрабатываемое хитрым и изворотливым врагом.

Глава вторая

«Для выполнения боевых задач разведчик обязан:
Знать должным образом материально-техническую базу

Как свою, так противника, умело пользуясь ею в любой ситуации

Применять знания грамотно и наиболее эффективно»
(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,
Согласно требований БУ-49»,
изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

– Чудо-оружие, твою мать... – под нос ругнулся Иволгин.

В сорок четвёртом, после атомной бомбардировки Англии и постоянной угрозы применения этого оружия в Советском Союзе, войска РККА⁵ отошли к Волге, дав возможность и себе, и врагу, сделать передышку, восполняя силы. Тогда и встала линия фронта почти по Уралу, упираясь на Кавказ внизу и на Мурманск на севере. Лишь страх перед полным уничтожением центральной части страны заставил правительство пойти на этот шаг. Нет, не капитулировать, как того хотели бы в Берлине. Отойти, усыпив бдительность противника, стыдясь, сжав зубы отступить. И нанести удар, которого они не ожидали.

Исследовательский центр в Пенемюнде, находящийся в непроходимых лесах и болотах, был уничтожен в одну ночь переброшенными по воздуху и по воде диверсантами Генерального штаба РККА. Воины, поставившие на кон свои жизни, не вернулись, сгорев в огненном шквале, пронесшемся по всей северной части Прибалтики.

Диверсанты уничтожили всю материальную часть проекта «Возмездие», а также большинство ведущих учёных, работающих над созданием очередных боеголовок. Тех самых, которых так дожидались хищные «Фау», нацелившиеся на восток. Запасы урановой руды Германия не смогла восстановить по сей день и нацисты отказались от дальнейшей разработки проекта.

А сколько усилий пришлось приложить главе Наркомата иностранных дел, постоянно мотавшемуся в небе над Европой или Англией. Лишь его талант и убедительность смогли заставить гордых бриттов отказаться от создания и ответного удара атомным мечом по Европе. Правительство же СССР также «заморозило» все работы над схожими проектами. Здравомыслие смогло одержать победу над яростью и жадной мести. Но война продолжилась, порождая всё новые и новые методы уничтожения противника.

Тогда же, рискуя также, как и «красные» союзники», служба специальных операций САСШ и уцелевшие оперативники Интилленджент Сервис провели схожую операцию, лишив немцев надежды на восстановление хотя бы материальной базы. В Норвегии, в районе Рjukan был уничтожен, полностью стерт с лица земли завод по производству «тяжелой воды», так необходимой для реализации атомного проекта Германии.

Лишившись атомного оружия, нацисты переключились на создание новой базы обычного вооружения и развивали биологические исследования. С одним из результатов последних полку Медведева пришлось столкнуться лично во время битвы за Уфу.

Немцы, накачанные тогда ещё неизвестным препаратом, шли в бой, не жалея себя. Более быстрые и выносливые, чем красноармейцы, смогли нанести немало вреда, прежде чем

⁵ *Р(абоче)-К(рестьянская) К(расная) А(рмия)* – образована в 1918 из разрозненных отрядов «красной гвардии», войсковых частей императорской армии и флота России, принявших цели и ценности вооружённого переворота в октябре 1917-го года (Великой Октябрьской Социалистической революции). Прим. автора.

основную часть наступающих двух, всего лишь двух батальонов, удалось заманить в ловушку. Там их уничтожили огнём реактивной артиллерии, не дав чудовищам, совсем недавно бывших людьми, прорваться на окраины столицы Башкирского края. Более-менее пригодные для исследований тела были собраны странными военными, оказавшимися на месте боя спустя всего половину суток, загружены в длинные машины-холодильники и куда-то увезены.

Тех немцев Куминов помнил сам, отбивая их безумно яростную атаку. Несколько фрицев, пробившись через почти кинжальный огонь, израненные, но стоящие на ногах, прорвались. В рукопашной, длившейся всего несколько минут, разведота потеряла больше половины солдат и двух офицеров. Именно после Уфы, отлежав своё в госпитале и вернувшись в полк, Куминов принял свой взвод.

Забыть белые от ярости глаза нападавших, их нечеловеческие силу и ловкость... он бы не смог никогда. И, пусть редко, ему даже снилась та самая атака немцев, когда долго ловил одну из чёрных фигур прицельной мушкой своего «Судаева», ругался и всё никак не мог хотя бы зафиксировать безумно быстрый силуэт. А тот становился всё ближе и ближе, и вот уже совсем рядом оказалась мощная фигура в полевом камуфляже егерей, этой элиты гитлеровской армии.

Куминов смог отмахнуться прикладом, прежде чем острый и широкий, похожий на кинжал, нож распорол рукав его маскировочного халата. Схватку у безумного немца он выиграл, правда, и сам при этом чуть не погиб. Выручило то неуловимое мгновение, когда толстая подошва сапога фрица соскользнула по влажному после прошедшего дождя глинозёму, в котором была вырыта траншея. Куминов успел выхватить лопатку и нанести удар за секунду до того, как в его бедро воткнулось хищное лезвие. Отточенная кромка малой сапёрной вошло в голову противника как нож в масло.

Но в это время по ноге разведчика, тогда ещё лейтенанта, уже бежали вниз быстрые и горячие струйки. Находившийся рядом Шут перетянул бедро у самого паха собственной портупей, но всего этого Куминов уже не видел. От кровопотери он ускользнул в голодный и тёмный сон, где мог и остаться.

В себя разведчик пришёл в транспортном отсеке транспортника «Пе-10», гудевшего винтами, неся выживших на восток, в сторону новой столицы. Лежал, смотря в выкрашенный белой краской металл потолка в салоне просторной металлической птицы, и вспоминал. Этот странный бой, в котором почти две тысячи человек еле управились с семьями. Белые безумные глаза немца, который чуть не убил его. Другие, такие же быстрые фигуры в егерской форме, невероятно быстрыми рывками уходившие с линии огня. И собственный страх, невольно охвативший в какой-то момент. А как было не испугаться непонятого и упрямо идущего на них?

В госпитале Куминов провалялся практически месяц. Прекрасная немецкая сталь не просто чуть не лишила его жизни. Хирурги провели три операции, чтобы рассеченные сосуды смогли прийти в норму. Потом молодой организм взял своё и он смог наконец-то ходить. Ещё через полмесяца, пройдя восстановительный курс в санатории на берегу Байкала, лейтенант, получивший дополнительную звёздочку и медаль «За отвагу», вернулся в полк.

А там разведчик Димка Шутяк, ставший сержантом, после радостных приветствий сунул ему в руку, немного смущаясь, тот самый нож. С которым после этого Куминов уже никогда не расставался. Странно? Да ничего странного в этом он для себя не видел. Вот только всегда доводил до конца дело, если приходилось работать острыми пятнадцатью сантиметрами настоящей золлингенской стали. Хорошо помнил, как сам выжил после его же удара. И нож ни разу не подводил.

Потом до них довели информацию о том, что немцев, атаковавших их позиции, завязку накачали каким-то хитрым медицинским препаратом. Тот и дал фрицам возможность двигаться быстрее, бить ловчее, выживать после чудовищных ран и не чувствовать боли. Так что с «чудо-оружием» Куминов был знаком не с чужих слов. И сейчас, когда ему вновь довелось про него услышать, невольно закололо в левом бедре, в том самом месте, куда вошёл немецкий нож.

Вот только какое отношение вся информация про «вундерваффе» имело отношение к разведывательной роте? Хотя... кое-что он уже понял. И командир не преминул подтвердить все куминовские домыслы с размышлениями.

– К нашему, то ли счастью, то ли наоборот, это не атомное оружие. – Медведев завёл руки за спину и по давней привычке накрутил кружок вокруг кульмана с картой. – И мы снова можем иметь дело с какими-то биологическими исследованиями. Не с теми, что полк столкнулся в Башкирии. А вот с чем именно, сейчас расскажет профессор.

Все повернулись в сторону седого с бородкой. Тот открыл лежащий перед ним серебристый портсигар с витиеватой монограммой, достал оттуда длинную сигарету с картонкой мундштука. Прикурил от бензиновой зажигалки, протянутой комполка, подвинул к себе пепельницу, сделанную из снарядной гильзы, и повернулся к брюнетке-симпатяшке с родинкой. Затянулся, вопросительно прищурился.

Девушка кашлянула, рукой отмахнулась от густых клубов дыма и начала рассказывать. Ни капли не смущаясь вытаращенных на неё глаз военных, оторопевших от подобной неожиданности.

Куминов, к примеру, захлопнул варежку лишь после того, как внимательно смотрящий на неё Синицын наступил ему каблуком на ногу. Чуть не взвыл от боли, но собрался с силами и перестал тарашиться на красотку как на заморскую чудо-фруктину ананас, что сподобился видеть в госпитале. Мало ли чего не бывает, и с чего вдруг все взяли, что профессором может быть лишь так похожий на Калинина курильщик?

Учёная говорила не очень громко, но слышал каждый. Куминову, правда, было очень интересно – а что слышно тому, кто скрывается в тени, но вслух этого не сказал. Естественно.

– Меня зовут Александра Венцлав. Я еще не профессор, но являюсь кандидатом в доктора науки военно-биологического института при академии Генерального штаба народного комиссариата обороны, – девушка чуть запнулась. – Сейчас я посвящу вас в курс того, из-за чего вас всех собрали именно здесь и сейчас. Информация чрезвычайно важная и секретная. По окончании нашего разговора с каждого из вас возьмут подписку о неразглашении услышанного и полученных инструкций. Ну, а теперь к делу, товарищи командиры.

Она отпила давно остывшего чая и продолжила:

– Город Куйбышев ещё в тридцатых-сороковых подготовили к выполнению функции второй столицы. И какое-то время он ей был, во всяком случае, именно в него перевезли основные производства из Москвы и Ленинграда до того, как оба города оказались в блокаде. Дипломатические миссии, часть народных комиссариатов. И так было вплоть до сорок четвёртого года и до бомбардировки Великобритании атомными бомбами. Что произошло впоследствии, каждый из вас знает.

Так вот, начиная с конца тридцатых годов, под городом велись крупные работы по устройству системы подземелий и бункеров. И в этом нет ничего странного, так как уже тогда разведывательные органы нашей родины знали о ведущихся работах по созданию атомного оружия. Параллельно с работами в Куйбышеве, создавалось особое хранилище на берегах Волги.

Также в самих Жигулях, прямо напротив одной из пристаней, соединяясь с общей системой убежища с помощью нескольких тоннелей, был организован целый город. Всё это делалось с запасом прочности на случай рассчитанных ударов и со сроком живучести до года в автономном режиме. Воспользоваться им, как сами понимаете, не пришлось. Нам не пришлось...

Венцлав замолчала, видимо собираясь с мыслями для продолжения рассказа. Военные сидели молча, переваривая только что услышанное. Куминов не был исключением, хоть и не будучи совсем уж удивлённым. Про что-то подобное ему доводилось слышать раньше. По выражению лиц комполка, особиста и командира разведки можно было понять, что информацией они владеют, пусть и не в той же степени, что молодая учёная.

Да и странно было бы не знать подобное разведчику. Слухами, как известно земля полнится. Пусть Куминов никогда не держал в руках каких-либо планов подземных коммуникаций, не говоря про нанесённые на карты места входов и выходов. Но работу по этому городу, который стал на какое-то время второй столицей страны, вести доводилось. В том числе и работая в «гражданке» на захваченных территориях. Ну-ну, товарищ профессор, дождёмся продолжения? Ожидание оказалось совсем недолгим. Перед тем, как продолжить, сидевший рядом с ней мужчина в очках раздал каждому из присутствующих по картонному плотному скоросшивателю, под завязку наполненному бумагами. Когда он это сделал, профессор Венцлав продолжила:

– Откройте, пожалуйста, папки. Сразу переверните страницы вплоть до пятой, и посмотрите фотографии на ней.

Куминов, как и остальные, послушно проделал всё необходимое. На пятой странице было три фотографии. Присмотрелся, и ему стало ясно, что изображено на них одно, и тоже здание, но с большой разбивкой по времени.

На верхней – небольшой, вероятно светло-кремового оттенка (фотографии были чёрно-белыми) особнячок в два этажа. На второй он же, но явно после нескольких бомбёжек, наполовину разрушенный, покрытый копотью и следами гари. На последнем из снимков, наиболее чётком и явно недавно сделанном, были видны последствия времени. Сам дом практически полностью оказался заросшим крапивой, лебедой по пояс человеку и прочим бурьяном.

Вполне понятное дело, подумалось ему. Война штука такая... мало что после неё может оказаться целым. Что такие вот дома, что люди... Но времени на лирику не было, и капитан продолжил слушать девушку-профессора.

– Это один из входов в систему подземного сообщения Куйбышева. Вы понимаете, почему вам это показывают?

Синицын понимающе хмыкнул:

– Моим ребятам предстоит в ближайшее время идти в Куйбышев, товарищ Венцлав?

– Именно, – учёная согласно кивнула, заставив хвост задорно дёрнуться. – Вы абсолютно верно думаете, товарищ майор.

– Хороша затея, – командир разведчиков чуть побарабанил пальцами по столу. – Все группы должны будут дойти до одного входа? Или пойдёт одна, я что-то не полностью понимаю.

– Все, Лёш. – Медведев нарезал ещё один круг вокруг карты, заложив руки за спину. – Пойдут все, и группа Иванова, если успеет вернуться... наверное.

– Что? – Синицын непонимающе посмотрел на «батю» – Как все? Все разведывательные группы? Для чего, позвольте поинтересоваться, товарищ профессор?

– Вас что-то в этом беспокоит, товарищ майор? – в разговор неожиданно вступил мужчина в очках, до сих пор не произнёсший ни слова. И вновь, на данный момент, закуривший.

Синицын немного непонимающе посмотрел на него, приоткрыл было рот, но ничего не сказал. Куминов чуть усмехнулся, глядя на эту немую сцену. Либо «староста» действительно не понимал, чем вызвано недоумение командира всей полковой разведки, либо не понимал того, как работает та самая разведка. Да, на дворе не сороковые года, а начало шестидесятых, и война позиционная. Но кадры для армии не растут как грибы после дождя. Не говоря про кадры для того, чем занимался он сам с товарищами.

Сколько миллионов людей выкосили в стране те самые, первые огненные годы, прежде чем успело подрасти его поколение, и появиться следующее? Капитану неоднократно приходило в голову такие мысли, но даже озвучивать их в компании самых близких – в голову не приходило. Статью за пораженческие мысли никто не отменял, равно как и товарищей секретных сотрудников, то есть сексотов.

А уж как работали машины НКГБ⁶ и «СМЕРШа» в сложившейся ситуации, когда каждого десятого стоило подозревать в шпионаже, говорить не приходилось. А тут нате, товарищи офицеры, отправляйте на убой сразу всю полковую разведку. Причём одного из тех полков первой линии обороны. То, что идти предстоит на убой, стало ясно сразу после того, как Куминов понял, что фотографии у всех одинаковые. И сложного тут ничего не было.

Фотографии абсолютно одни и те же. Видят их командиры всех разведывательно-диверсионных групп одновременно с заявлением о том, что пойдут все. Что это может означать? Да только одно, к сожалению. А именно: хорошо, если шансы дойти есть хотя бы у одной. И это, опять же, к сожалению, просчитано задолго до того, как эти самые непонятные личности оказались здесь.

Куминов встретился взглядом с Иволгиным. Тот вздохнул и пожал плечами. Он-то тоже всё понял, в отличие от Абраменко, который, скорее всего, думал только о том, что будет под Куйбышевым. А не о том, КАК им туда предстоит добираться.

– Беспокоит меня? – Синецын хмыкнул и сказал всё то, что только что прокрутил в голове его подчинённый. – Да, ещё как беспокоит, товарищ, не знаю уж, как вас там. А ещё волнует, тревожит и куча прочих синонимов, включая нецензурные. Их-то я не произнесу, как бы мне не хотелось. И задачу, которую сейчас мы услышим, мои люди выполнят. Но от этого беспокойство моё меньше не станет. Что там такого, в Куйбышеве, что туда должны пойти все мои парни, расскажете? Ведь не может же быть так, что отправляем мы их за каким-то новомодным фрицевским шнапсом. Каковы шансы, что вернутся хотя бы две группы?

Профессор в юбке, во время всего этого монолога молчавшая, вздохнула, виновато покосившись в сторону разведчиков. Её спутник поправил очки и затушил сигарету в пепельнице. Жестом, по которому сразу стало ясно, что он нервничает, потянулся ещё за одной, но передумал. Снял очки, начав крутить их за дужку. Посмотрел на лица каждого из разведчиков, и только после этого ответил:

– Шансов мало, товарищи военные, очень мало. Говорю это вам очень честно, потому что иначе никак. Задача ваша настолько сложная, что её можно было бы назвать невыполнимой. Но она должна быть выполнена, просто обязана, товарищи. То, что сейчас немцы создают там, в подземельях, может привести к очередному перелому в нашей войне. И мы не должны позволить этому случиться, мда. Может быть, продолжим? И тогда все ваши вопросы должны получить свои ответы. Да... товарищ майор?

Он повернулся к Синецыну, который вопросительно поднял брови.

– Я всё прекрасно понимаю, и опасения ваши могу разделить полностью. Но поймите, что так надо. И не мне, как вы могли подумать, дескать, мало ли что необходимо этим учёным-зазнайкам, что вы, ни в коем случае. Это нашей с вами родине надо, понимаете? Давайте уже продолжим, перелистывайте, товарищи офицеры дальше, перелистывайте.

Куминов и Иволгин переглянулись, пожали плечами и дружно перешли на следующую страницу. По коже капитана пробежали мурашки, очень ощутимые мурашки от страха. Следующие фотографии были... узнаваемыми.

Те самые лица, которые он уже видел. Перекошенные в гримасе ярости и бешенства, с белесыми, кажущимися выцветшими, глазами. Только тут они были не черно-белыми, как фотографии дома на предыдущей странице. Цветные снимки, сделанные каким-то неведомым профессионалом очень четко и с близкого расстояния. Возникало ощущение, что объектив камеры находился практически напротив этих самых людей с гримасами лютой ненависти ко всему вокруг. И это заставляло насторожиться. Ведь согласно информации, доведённой

⁶ НКГБ – Народный комиссариат государственной безопасности. «СМЕРШ» – Смерть Шпионам. Если кто из современных читателей не знает ни названия, ни роли второй из указанных «организаций» в ходе Великой Отечественной Войны, то это плохо. Прим. автора.

до военнослужащих после результатов исследований, такое было просто невозможно. Немцы, участвовавшие в бое под Уфой, принимали свой препарат непосредственно перед атакой и шли вперёд в начальный момент его действия. Пик приходился на то время, когда они достигали позиций обороняющихся красноармейцев. Почему?

Куминов прекрасно запомнил то, что действие чудо-сыворотки, или как там назвать то, что принимали безумные фрицы и гансы, было очень кратковременным. Да вдобавок делало сами объекты воздействия чрезвычайно агрессивными и неуправляемыми. И, факт – само немецкое командование опасалось собственного вундерваффе, и это подтверждали пулемётные расчеты прямо за отправной точкой атаки тех егерей. Заградительные отряды, призванные, если что пойдёт не так, просто покосить всех, кто может пойти не в ту сторону. А тут, приходи, кума, любоваться, прямо постановочные фото с композицией и портретами. Что это могло означать? Да то, для себя понял Куминов, что случилось наиболее плохое: немецкие высококобые нашли возможность контролировать сам этот процесс. Либо...

– Фотографии сделаны непосредственно в Берлоге, – симпатичная профессор Венцлав произнесла это все также негромко, и опять очень чётко. – В одном из её исследовательских отделов. Не в том, что нас интересует.

– Где? – Куминов не сдержался. Вероятно, что эмоции, которые появились во время быстрого анализа этих фотографий, отразились на лице. Потому что обращалась она, говоря всё это, именно к нему.

– Берлога, товарищ капитан. – «Староста», всё же извлёкший следующую сигарету, закурил. «Смершовец» лишь покачал головой, глядя на него. Сам-то он, не смотря на многолетнюю привычку, ещё ни разу не задымил. Стало хорошо заметно, что сигарета подрагивает в пальцах, волновался старик, волновался.

– Так они называют собственный комплекс. Вроде потому, что как ещё называть здесь, в России, подобное место. Тем более «Волчье логово» у них уже есть. А тут, извольте видеть, логово медвежье. Снимок сделан немецким фотографом, переправлена плёнка к нам агентом. Так вот, товарищи офицеры, те самые солдаты, с которыми вам доводилось уже иметь дело, не самое страшное из того, что там есть. Хотите знать, что там есть страшнее? Перелистывайте страницу.

Все молчали, и в этой тишине чётко было слышен шелест переворачиваемых страниц в скоросшивателях. Куминов чуть помедлил и сделал тоже, что и остальные.

Вытянутые худые фигуры, без каких-либо признаков одежды на них. Сплошь покрытые еле-еле заметными серыми наростами, густо покрывающими всю поверхность тела. На первой фотографии они лежали рядком на чём-то типа длинных и металлических столов. Вот они же, только в непонятных, металлических же ящиках, укладываемые в них людьми в прорезиненных балахонах и в масках, полностью закрывающих лица. А вот снимок, где эти непонятные серые доходяги уже стояли на полу большого, скорее всего бетонного, каземата. На третьей фотографии заметно, что съёмка велась через прутья решётки. И в каземате находились не только две странные фигуры.

Там же камера, делающая подряд сразу несколько кадров, показала красноармейцев. Пленных, в разодранном обмундировании, со следами крови, в бинтах. В руках у каждого были предметы, которыми можно было воспользоваться на поле боя как оружием. Штык-ножи от СВТ и АСД, сапёрные лопатки, артиллерийские банники, ломы и кирки. Огнестрельного оружия Куминов не заметил. Следующие снимки, также делаемые фотографом в автоматическом режиме съёмки, показывали то, что было дальше.

А был там бой в рукопашную, красноармейцы и эти, серые длинно-худые. Двое против десятка. Фотоаппарат не мог полностью передать ту скорость, с какой двигались противники

пленных, но представить её Куминов мог. Результат поединка для него тоже не стал неожиданностью.

Из двух тварей на момент появления давешних балахонисто-масочных осталось в живых одна. И та явно не оказалась чересчур живой. Либо просто ей не очень дорожили, и расстреляли перед тем, как войти в каземат. Из красноармейцев в живых осталось трое, которых, не в пример твари, убивать не стали. Наоборот, ребят бережно погрузили на носилки и оттащили куда-то.

Серия снимков на следующих двух страницах была похожа на первую. Отличием были лишь те, кого снимал фотограф. В какой-то момент в тишине, повисшей в блиндаже, раздался странный звук. Как оказалось, Абраменко не выдержал и выскочил, зажимая рот ладонью. Медведев и остальные проводили его взглядами, в которых не было ни капли осуждения. Не за что было судить разведчика, которому стало не по себе от вида четырёхлапой туши, густо поросшей мехом и с головой, больше всего напоминающей голову крокодила. Разве что не такую длинную. А уж если это существо в собственных челюстях держит разорванного пополам человека... небольшого, еще не выросшего человека... странно было бы осудить боевого товарища, который смерть видел в разных видах, но с такой ещё не сталкивался.

– Ну те-с, товарищи военные, а это всего лишь побочный проект, случайно выстреливший у наших... врагов. Естественно, немцы с их бережливостью рассматривают и этакого уродца как оружие, проводят опыты, пытаются управлять. Запусти нескольких таких к нам в тыл, в аграрные районы, в страду, представляете эффект? – «Староста» обвёл их взглядом. – Продолжим?

На войне, как... – 1

Кубань, захваченные фашистами территории (гауляйтерство «Зюйд-Ост»), 195.. год:

Очередь старенького «дегтяря» рассыпалась горохом долго, пока ее не перекрыли несколько гранатных хлопков. Одиночные постукивали еще немного, каратели добивали выживших, пленных не брали.

Семён, мокрый от пота и вырвавшийся из кольца, привалился спиной к узловатому стволу старого кизила. Жадно хватал воздух широко раскрытым ртом и трясся, смотря на красные ягоды. Кизила здесь, возле Ахтырской, на сопках росло много. Иногда их алая россыпь, порой и не обираемая, усеивала зелень травы красивым сплошным узором. Семён ещё мальчишкой ходил сюда с дедом, собирать их. Давно, полжизни назад, когда вокруг всё было своим.

Внизу, у подножья взгорка, сухо треснуло. Семён дёрнулся, уставившись в непроницаемую тьму внизу. С вечера навалило туч, низких, плотных, не пропускающих ни луны, ни звёзд. Тогда Аким даже пошутил, что де в такую погоду-то никто их искать не станет, это точно. Какой, дескать, полицией в такую темень в лес пойдёт, где того и гляди ещё и дождь начнётся. Осень ведь накатила быстро, как обычно, вода хлестала сплошной стеной. Так что странно было бы ждать незваных гостей, что любят гулять с собаками по округе. Не говоря про их старших коллег из гестапо.⁷

⁷ *Гехаймеитаатполицай (гестапо, в данном случае – гехаймефилдполицай) – т.н. «политическая полиция», следящая за состоянием духа, мыслей и прочая на территориях, относящихся к Третьему Рейху. Ну и, соответственно, бдящая при всех проявлениях нелояльности... в том числе и того, чем занимались подпольщики, партизаны, разведчики по ту сторону фронта (тут, правда, они пересекались с Абвером, не менее серьёзной структурой) и... евреи с цыганами. Создание таких «санаториев», как Дахау, Бухенвальд, Освенцим и проч., целиком и полностью лежит на совести руководителей этой структуры. Первым шефом данной организации являлся Генрих Гиммлер. Термин «гестаповец» даже сейчас, в эпоху повсеместной «забывчивости» о том, что творилось на территории СССР в 1941-1945-ом, означает нечто чётко понимаемое и воспринимаемое. Дальнейшие объяснения явно не уместны. Любой может «погуглить», ведь ищущий да обрящет. Прим. автора.*

Кто же знал, как оно станет на самом деле? Никто, включая самого командира отряда, регулярно получающего все необходимые данные от своих людей в крае. Да и как можно было ожидать такого?! Семён ещё раз прислушался к звукам вокруг, отхаркнул липкую слюну и чуть расслабился, приходя в себя. Ноги гудели от бега, сердце трепыхалось в груди, отдавая в висках торопливыми ударами молоточков. Руки и те тряслись... то ли от последствий невыносимо быстрого бега, то ли от пережитого страха. Он подтянул ноги к груди, закутался в плотную прорезиненную ткань немецкого плаща, положив короткий, десантный вариант МП-47⁸ на колени, и задумался.

Молодой, но рано поседевший мужчина, один из тех, за чью голову оккупанты готовы были платить большую премию, сидел в мокрой от прошедшего ливня траве. Ждал, пока прекратит трястись от иррационального безумного ужаса и вспоминал:

Отряд отошёл на зимнюю базу неделю назад. Организованное в самом начале войны убежище, тогда известное лишь трём лицам краевого райкома и НКВД, постоянно поддерживалось в порядке агентами, оставленными в тылу отходящей армии. Строили, рыли и укрывали его «зэки» из тех, чью судьбу теперь не проследишь и не узнаешь. В борьбе с врагом хороши любые средства, но когда Семён, бывший командиром одной из групп в отряде, узнал про это, то ему стало не по себе. Одно дело, когда землянка, где ты спишь, длинный подземный коридор, или место для засады в холма над дорогой, вырыты собственными руками. И совершенно другое, когда ты узнаёшь, что прямо под тобой могут лежать те, кто всё это сделал.

Семён никогда не был тонким романтиком. Пусть и переехала семья из станицы в город за три года перед войной, и он даже успел немного поменаться. Но жёсткость и жестокость настоящей жизни Семён знал и по рассказам, и по самой жизни. Переезд и учёба в хорошей школе, вместе с детьми тех, кто работал в горкоме и других организациях, не выветрили ничего из вложенного в голову паренька дедом.

Тот, потомственный казак-пластун, в семнадцатом как встал на сторону большевиков, так и держался её до конца. И никогда не скрывал от внучат той жестокой правды, что жила в нём. Семён знал многое. Как рубили в плавнях застигнутых «белых» и их семьи, как расстреливали хутора «кулаков», как потом, после Гражданской, ещё долго бурлила и исходила кровавым потом гордая и непокорная Кубань. А рядом, не собираясь ложиться под «красных», бушевал некогда вольный Дон. И когда на его глазах, из подъезда дома, куда семья переехала, вывели и посадили в «воронок» инженера Фроймана – Семён не удивился. «Воронок» потом зачастил к их дому, украшенному лепниной и колоннами, стоявшему на самой Красной. Брали многих, кого ночью, кого посреди бела дня. После, через несколько дней, недель, иногда через пару месяцев, вывозили и семью очередного «врага народа». А на их место, в опустевшие комнаты бывшего «дворянского» дома, въезжали новые жильцы.

Такие же, как родители Семёна: молодые комсомольцы и коммунисты, дети тех, кто прошёл революцию с двумя войнами, оставил часть себя в кровавых бурях, но не рвался к власти, не шпионил в пользу Англии-Германии-Японии и прочих империалистов. И тогда подросток с станицы не кривил душой и не жалел ни Оськи Фроймана, ни Маши Дёмичевой, ни других новых друзей. Кто же виноват в том, что их папы и мамы не хотели жить в новой стране так, как положено её гражданам. А вот семья Семёна хотела. И он сам хотел.

Рос, учился, занимался спортом. Прыгал с парашютом с вышки в парке, что начали строить на Старой Кубани. Стрелял в тире, выбивая девять очков из десяти постоянно. Занимался боксом. Собирался идти дальше в институт, учиться, стать инженером как отец. Но пришли

⁸ МР-47(Maschinenpistole) – пистолет-пулемет производства рейхс-концерна ЭРМА, калибра 7,92 мм, является удешевленной версией автоматической винтовки Stg-44 констр. Г. Шмайссера, выпускаемой по прямому указанию А. Гитлера для пополнения и замены устаревшего вооружения на Восточном фронте. По факту – является именно автоматической винтовкой менее лучшего качества, чем оригинал. Именуется ПП исключительно из «конкуренции» производителей. Прим. автора

немцы, и Семён, на глазах которого люди в мышинового цвета форме расстреляли его маму, когда она пыталась завести в подъезд девочку с шестиконечной звездой на одежде, ушёл в партизаны.⁹

Десять лет он провёл в собственном крае, скитаясь по лесам и горам как волк. В своей собственной стране, такие же, как он люди, решившие не сдаваться, постоянно защищались. И нападали сами. Расстреливали полицейские участки и войсковые колонны, пускали под откос поезда с солдатнёй и грузами, подрывали здания администрации и гестапо. Семён был одним из немногих, кто продержался так долго. Тех, кто начал воевать с фашистами одновременно с ним, практически не осталось. Облавы, засады, ловля на живца, предатели. Всего хватало в жизни тех, кто решил бороться до конца и ушёл в лес. А сегодня ночью наконец-таки наши и их. И так, что при одном только воспоминании об этом, Семёна снова начала бить крупная дрожь.

Если бы он тогда не захотел сходить в сортир, если бы не повариха, царствие ей Небесное, Леночка, нажарившая домашних котлет из свежего мяса... Сейчас бы он, скорее всего, был бы уже мёртв, также, как и товарищи, оставшиеся где-то там, далеко.

Часовых «те» сняли быстро и практически одновременно. Это Семён понимал уже сейчас. Потому что те, кто уничтожил отряд вошли в «городок» отряда сразу и со всех сторон. А тогда...

На войне твой «ствол» всегда должен быть рядом. Равно как боеприпасы к нему. И уж как ты выберешься из такой ситуации, как сейчас, когда отвыкший за три месяца рейдов по фашистским тылам организм красного партизана негодовал от нормальной еды – твое личное дело. «Революция» в животе и привела к тому, что Семён даже не смог добежать до нескольких отдельно стоящих деревянных «ватерклозетов», как издевательски прозвали их в отряде.

Сидя в кустах, росших сразу за «его» землянкой, с ПП, прислонённым к стволу ольхи, своей густой кроной закрывающей его от дождя, он был рад тому, что не погнушался когда-то снять с ещё тёплого фрица удобную «сбрую» из кожи и сейчас та не мешала, оттянутая по груди плотно набитыми магазинами. Было немного стыдно за самого себя, но что тут поделаешь, когда вот так вот прихватит?

Со стороны одного из трёх входов в «городок» неожиданно раздался чей-то безумно дикий крик, зависший на одной высокой ноте и неожиданно резко оборвавшийся. Семён насто-рожился, чертыхнувшись про себя и на самого себя. Чуть позже раздались первые очереди и взрывы. Что заставило его тогда тихо отползти в сторону и не убежать сразу? Скорее всего, въевшийся опыт войны, подсказывающий – нужно увидеть тех, кто напал, и понять то, что следует ожидать. Не кидаться, очертя голову, в бой до того, как не поймёшь весь уровень опасности.

Света в лагере естественно не было. Увидеть что-то Семён смог лишь когда начали полыхать, одна за другой, землянки и несколько палаток, стоявших на отшибе. Увидел, не поверил собственным глазам, но всего через несколько минут сломя голову нёсся через лес. Старался убежать как можно дальше, оскальзываясь и растягиваясь на мокрой траве. Потому что на отряд напали не люди.

⁹ Звезда Давида, Моген Давид (на данный момент нац. символ государства Израиль, наряду с изображением семисвечника) – традиционный атрибут жителей бывшей Иудеи (т.е. еврейского народа). На территориях, подчинявшихся фашистской Германии евреи подвергались преследованиям и уничтожению (т.н. Холокост). Данные действия были напрямую спровоцированы Гитлером и его окружением, стремившимся к расовому очищению и созданию истинно арийского государства (при этом забывая, что арии на своём пути прошли всю Евразию, в том числе и нашу с вами Родину). Нашивки с «Моген Давид» обязаны были носить все лица, причисленные к еврейской нации. Информацию про гетто, газенвагены, лагеря смерти и прочие, связанные с этим моменты, всегда можно найти в Сети. Прим. автора.

Несколько тёмных и гибких пятен мелькнуло в багровом свете от горящего дерева и ткани. Приникших к самой земле, странно отсвечивающих неестественно большими глазами, вооружённых собственным оружием. Семён видел, как две таких твари вытащили из землянки молоденькую медсестру Юльку, опрокинув её навзничь. Как один из них накинута на неё, рубанув по шее длинной и странно гнущейся рукой. Кровь брызнула таким фонтаном, что даже при скудном свете пожара её было заметно издали, блеснувшую и немедленно залившую всё вокруг. А потом в широкий красноватый круг света вошёл первый из тех, кто полностью сломал психику партизана.

Высоченный, широкий как шкаф силуэт в длиннополом, кожаном, мокрым от дождя плаще. С небольшим круглым шлемом на голове, чем-то вроде больших мотоциклетных очков на лице, отсвечивающих изнутри зеленоватым светом. С большим ранцем на спине, из которого тянулась, еле слышно лязгая, длинная пулёмётная лента. Тянулась она к МГ-50, который верзила играючи перебросил в руках, срезав очередью кого-то из ребят. Семён застыл, глядя на это чудо и чуть было не попал сам.

Один из первых, низких, может тот самый, что убил медсестру, повёл головой, как будто приносиваясь. Застыл на месте, повернувшись в его сторону, Семёна, что-то коротко прошипел. Когда рядом с первым здоровяком возник второй, а ствол МГ в его руках повернулся к партизану, столбом застывшему в спасительной тени кустов, Семён еле-еле успел очухаться. Очереди грянули чуть запоздало, когда он уже нёсся вперёд. Бежал, бросив за спиной погибающих товарищей.

И вот сейчас, сидя на сопке, возможно, той самой, где в прошлой, мирной и доброй (для него) жизни собирал с дедом ягоды кизила, Семён неожиданно для самого себя заплакал. Тяжело, одними глазами, задыхаясь в спазмах сдерживаемых воплей, рвущихся наружу. Ладонью на всякий случай крепко зажал в рот, стараясь не пропустить подозрительного шума. Плакал от собственного стыда, потому что сбежал. От детского страха, который до сих пор жил в нём, когда в голове всплывало запрокинувшееся навзничь гибкое Юлькино тело, из которого бил вверх всё никак не заканчивающийся фонтан крови. Десять лет партизанской жизни неожиданно ушли в никуда, оставив на высоте сопки лишь одинокого и до смерти испуганного маленького ребёнка с автоматом в руках. Дождь пошёл вновь, смешивая капли с каплями слёз, катившихся из глаз Семёна.

Он не расслышал того, как экспериментальный образец боевого антропоморфного разведчика тихо поднялся по склону. Не заметил того, как невысокое и гибкое существо в собственном природном камуфляже тенью скользнуло к старому кизиловому дереву, приметив врага, чей запах вёл его вперёд, выдавая даже через сильный дождь. Смерть пришла к струсившему партизану лишь спустя неполных пятнадцать минут после гибели тех, кого он считал друзьями. Быстрая и очень болезненная. Как всегда бывает при применении моментально действующего гибрида искусственного и природного ядов, попавшего в кровь с помощью выстреливаемой иглы.

– Отличный результат, герр Роецки. – Ханс Зиммер, подтянутый и совершенно соответствующий всем параметрам истинного арийца, довольно кивнул, рассматривая пепелище. – Впечатлен, немедленно по возвращению составлю полную докладную записку в Берлин.

Полномочный представитель гауляйтера Хоффмана, поблескивающий неизменным кожаным плащом, въедавшимся в членов СС второй кожей, покивал еще раз, рассматривая раскладываемые тела партизан.

Собеседник, выглядящий в плохо подогнанном фельдграу недавно призванным, кивал в ответ. Кепи, чересчур большая, съехала на лоб, по козырьку вниз катились капли дождя,

но его это не беспокоило. Герр Роецки, как нельзя больше соответствующий стереотипам о странноватых ученых, ждал появления подопечных.

– Нельзя ли в следующий раз, герр штандартенфюрер, выпустить ребят без сопровождения егерей и ваших, мм-м, подчиненных? Хотелось бы наблюдать индивидуальные действия и действия в группе с их личными инициативами.

– Герр Роецки... – Зиммер обернулся так резко, что без слов стало ясно изменение его настроения. – Ваши ребята есть собственность германского духа и торжества нашей науки, и мы ими крайне дорожим. Потому искренне прошу вас, герр Роецки, больше не пытаться заниматься самодеятельностью, как говорят наши русские... хм... друзья. Хорошо?

Тот кивнул, поспешно и невольно втягивая голову в плечи.

– Отлично. За такое понимание друг друга разрешаю вам переодеться в более привычную одежду и по прибытию назад вам не придется быть наказанным за срыв запланированной атаки при ранее не оговоренном выпуске ваших... ребят.

Герр Роецки сглотнул. И... И вдруг радостно, как ребенок, улыбнулся. Зиммер недоуменно шевельнул бровью, но, услышав тяжелые шаги, все понял и оглянулся.

Штурмовики, возвращенные этой странной программой, где участвовал вылитая крыса Роецки, возвращались. И даже штандартенфюреру Зиммеру стало не по себе от зеленоватых бликов за очками-масками.

Глава третья

«Среди физических качеств на первом месте стоит выносливость. Ведь выполнение практически любой боевой задачи требует от разведчиков Совершения марш-броска протяженностью до 30-50 километров»
(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,
Согласно требований БУ-49»,
изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

– Итак, товарищи офицеры. – «Староста» встал. Снова покрутил в руках очки и водрузил на нос. – Приношу свои глубочайшие извинения за то, что не представился сразу. Данилов, Юрий Сергеевич, все же профессор, давнишний. Сашенька, с вашего позволения продолжу сам, вы же не против? Ну и хорошо.

Он налил себе воды из графина, стоявшего на тумбе у карты. Отпил и продолжил:

– Увиденное вами на фотографиях, не самое страшное. Понятно, что существо подобное тому, что вызвало такую бурную реакцию товарища старшего лейтенанта, не может оказаться добрым, мягким и пушистым. Но дело-то в том, уважаемые мои, что всё это отдельные экземпляры, скорее даже, я повторюсь, побочные результаты основных экспериментов гитлеровских учёных. И именно поэтому они не так страшны, как может показаться на первый взгляд. Намного опаснее для нас образцы солдат из второго поколения тех, кто использовал препарат «Берсерк». С теми, с которыми вы сталкивались, справиться было относительно легко.

– Что? – комполка недоверчиво посмотрел на него. – Что значит относительно легко? Четверть полка положить не за хрен собачий, это, значит, легко?! Простите, товарищ Венцлав.

– Да нет, нет, товарищ полковник, вы уж простите старика, не совсем верно выразился. Я-то понимаю, вам, кто с ними сражался, не говоря о тех, кто погиб, героически и страшно, было непросто. Но вы же не знаете новинок, подготовленных нам, с позволения сказать, коллегами с немецкой стороны.

– И что именно? – Медведев одёрнул китель, сел.

– Так вот, товарищи военные, дайте договорить по порядку, и всё вам тогда станет ясно.

Профессор прикурил свою очередную сигарету. «Смершовец» присоединился к нему, клубы дыма закрутились в свете ламп. Куминов покосился в сторону темного угла, где сидел третий. Вот эта персона занимала его даже больше, чем какие-то там новости.

Во-первых, за все это время кто-то, сидящий за картой, ни разу не показался. И это нисколько не задевало никого из командиров. Что само по себе было странно. «Батя», насколько знал его Куминов, подобного не любил. А тут, сидит кто-то себе в темноте, лишь пару раз мелькнув абсолютно лысой головой, и ничего. Никакой реакции командования. Как будто и нет его.

Во-вторых, не было ни ночью, ни днём самолётов, приземляющихся на аэродроме. Полоса, совсем неширокая и недлинная, находилась в километре с небольшим от места дислокации. Каждый раз перед тем, как использовать её по назначению, выгоняли сапёрные танки, и те довольно быстро справлялись со специально устроенным на её поверхности завалом. А уж когда эти большие машины заводили, то это слышала вся разведрота, блиндажи-то находились как раз недалеко.

В-третьих, раз ничего подобного не было то каким образом они здесь оказались? И не был ли в данном случае кто-то в тёмном углу человеком из Ставки? Рассказы о сложной системе подземных железнодорожных путей, по всей стране, Куминов слышал неоднократно. А если это правда, и в углу сидит какая-то большая «шишка» из Новосибирска, то дело, как не крути,

совсем серьёзное. Вот потому капитан-разведчик и прокачивал ситуацию, пытаюсь хотя бы что-то понять.

Тем временем Данилов продолжил рассказ, и он на самом деле оказался очень интересным. И информативным настолько, что в какой-то момент Куминов чётко почувствовал ту самую дрожь, сопровождаемую мурашками по спине.

– Второе поколение проекта «Берсерк», товарищи офицеры, намного опаснее. В данном случае нацисты пошли совершенно иным путём, пусть и более длительным, но и давшим совершенно другие результаты. Скажем так, нашим упущением, вернее, упущением ваших коллег по ту сторону фронта, стало отсутствие попыток саботировать исследования. Хотя их-то вины тут немного, так как уровень секретности вокруг данного проекта несоизмеримо выше чем доступные нам... Почти.

После того, как в наш институт попали некоторые результаты из их «Берлоги», стало совершенно ясно, что изначально первый проект был ложным. Вернее, кгхм, как бы точнее выразиться...

– Нам подкинули ложную цель? – майор Синицын вопросительно посмотрел на профессора.

– Именно, милейший, именно так. Оба проекта велись параллельно по времени, причём второй «Берсерк», истинный, запустили раньше, да на несколько лет. А именно – его теоретическую часть. Изыскания, проводимые основной группой немецких учёных, легли на стол Гитлера ещё в сороковых годах, сразу после уничтожения того самого центра в Прибалтике, где готовили ядерное оружие возмездия. Обе разработки проходили по линии ведомства СС, той его части, что прикрывается амбициознейшими проектами «Аннэнербе» и «Туле»¹⁰. Именно так, товарищ полковник, к сожалению, именно так.

– Это же клоунада, Юрий Сергеевич... – пробасил Медведев, глядя на профессора. – Большая часть офицеров пересекалась с теми или иными упоминаниями про эти якобы «ордена». Да что вы, честное слово, это же бред, как чистой воды, так и сивой кобылы. Оккультизм какой-то и прочее.

– Под Уфой вы столкнулись с нечистой силой, товарищ Медведев? – профессор внимательно посмотрел на комполка. – Или с чем-то, эм... более овеществлённым, так? А это был результат, полученный даже не в основном эксперименте. Да поймите вы, Господи ты боже, товарищи красные командиры, что сейчас я вам говорю о государственной тайне. Как вы считаете, оказались ли бы мы здесь, если бы это было ерундой и полной ересью? Вот то-то и оно, что ни за что. А раз так, уважаемые товарищи военные, так извольте дальше слушать и не перебивать!

Последние слова были сказаны настолько не вяжущимся с интеллигентным обликом профессора тоном, что Куминов даже вздрогнул. Даже тембр голоса Данилова мгновенно стал другим, жёстким, отдающим сталью.

«Да уж, – подумалось капитану, – Не знаю, какой там институт, и ходят ли по нему в белых накрахмаленных халатах, но факт, под халатами у них погоны... это как пить дать. А уж у этого, такого доброго на вид профессора на погонах звёзды явно вышитые*¹¹»

– Так вот... – Данилов нерадостно улыбнулся. – В том-то и дело, уважаемые мои товарищи, что в данном случае и мракобесие было применено просто виртуозно. А то как же... ордена, посвящения, шпаги и прочее, северная религия, копьё Лонгина... купились. И не только мы. Все союзники оказались заложниками собственного самомнения, хотя каждый по-разному. Продолжим...

¹⁰ * – Сомнения в существовании вышеуказанных структур в Третьем Рейхе не стоит подвергать сомнению. А вот «отделить мух от котлет», т.е. разобраться в правде и лжи – каждый должен позволить себе сделать сам. Прим. автора.

¹¹ ** – вышитые звёзды присутствуют на погонах высшего командного состава (генералитета). Прим. автора.

– Солдаты второго проекта «Берсерк», по имеющимся агентурным данным, добровольцы. В отличие от вынужденных «добровольцев» при полевых испытаниях сыворотки первого проекта. Тех «как бы» поставили в известность о введении им препарата, повышающий устойчивость психики, дающий возможность быть более быстрыми, сильными и так далее. Заметьте, товарищи командиры, это точные данные. От нескольких разных военнопленных, каждый из которых являлся офицером.

– То есть непосредственно перед началом атаки каждому солдату делали укол? Как такое возможно технически? – Синицын недоверчиво покосился на профессора.

– Да очень просто, товарищ майор. – Данилов ещё раз невесело усмехнулся. – У нас с вами, вернее, у вас и ваших подчинённых, когда аптечки появились? Правильно, в самом конце пятидесятых годов. А у немцев они были намного раньше, к сожалению, и давно стало привычно делать вакцинации самостоятельно, по команде. Аппараты были привезены в войска быстро, в полном объёме. Чуть позже – розданы офицерам медицинских служб в подразделениях. И с каждого из них, наверняка, была взята подписка о полном молчании. Контроль осуществлялся офицерами СС и собственной службой безопасности Оберкомандо дес Хереес, вот и вся техника. Да это и не имеет никакого отношения к делу, если уж на то пошло. Важнее другое.

– Каждый из участников проекта «Берсерк-2», назовём его так, вовсе не похож на своих, с вашего позволения, несчастных коллег.

В их случае боевое безумие, так присущее этим фольклорным персонажам из скандинавских саг, не более чем дань мифам о «великой арийской расе». Эти солдаты, товарищи офицеры, не впадают в боевое неконтролируемое гипер-агрессивное состояние. Фашисты смогли добиться того, что «берсерки» полностью контролируют собственную психику, получая при этом просто выдающиеся физические данные. А данные, к слову, очень потрясают воображение, и вы в этом сейчас убедитесь. Листаем дальше, товарищи, вплоть до страницы номер двадцать.

Вновь раздался шелест переворачиваемых листов из плотной бумаги. Куминов внимательно посмотрел на фотографии, которые были на указанной странице. Покрутил головой, присвистнул. Посмотрел по сторонам, остановившись на изумлённых глазах Абраменко и недоверчивых Иволгина. Было с чего им становиться такими.

Пулемёт «МГ-50», пришедший на замену старому доброму «МГ-42», был, конечно, усовершенствован. В том числе и в области калибра, став полным девятимиллиметровым. Конструкция и компоновка изделия немецких оружейников если и поменялась, то не сильно, равно как и вес. Стрелять и с того, и с другого каждому из разведчиков, находящихся сейчас в блиндаже, приходилось. Ничего не скажешь, хорошая машинка, добротная. Как и всё, что гансы делали для нужд вермахта и третьего Рейха.

Вот только кто сказал бы Куминову ещё с час назад, что МГ-полста может использоваться при стрельбе на ходу и с рук самого пулемётчика – рассмеялся бы, наверное. А вот сейчас смеяться не приходилось, не та ситуация. Нет, поднять и удержать такую вот железную бандуру возможно, тут-то Куминов ничего против не имел. У него самого половина вновь прибывающих солдат группы не упускала возможность сделать фотографию с МГ наперевес, да ещё так, чтобы и ленты на груди крест-накрест висели. А то, каждому хочется быть круче, чем героический и легендарный герой революции матрос Железняк. Но чтобы стрелять, как парни в форме мышинного цвета на фотографиях? Такого он припомнить не мог.

Отдача при очередях, а очереди были только длинные, свалила бы любого здоровяка из штурмовой пехоты, не говоря про обычного пехотинца, или даже разведчика. А тут нате-ка, полюбуйте – идёт себе фриц чуть не строевым шагом и с такого самого хода ещё и стреляет. Причём стреляет прицельно, паскуда тевтонская. Куминов скрипнул зубами, понимая –

фигурки в песочной форме на заднем плане, вооружённые карабинами Симонова – пленные. И они-то хорошо показывали, что стрельба по ним велась очень даже прицельная.

– Понятно, про что я говорю? – Данилов покачал головой. – Идём дальше. На следующей странице те же самые объекты проекта «Берсеркер» в полном защитном обмундировании. Ничего не стоит на месте, товарищи, и у нас в войсках бронезилеты всё-таки стали обыденностью, и состоят на вооружении каждого боевого подразделения. И снова вы сами не дадите мне соврать о том, сколько весят и наши, и немецкие. Тяжелы? Тяжелы, знаю, неудобны. Работы-то по их улучшению мы ведём, конечно, но результаты пока желают желать лучшего. И так же и у противника. А что мы видим на фотографиях? Представляете, товарищи боевые офицеры, каков вес подобного полного комплекта? А также вес боеприпасов и оружия, которые находятся на ближайшем к объективу солдате? И вы же видите, что они не статичны, нет, они двигаются, да ещё как двигаются.

– Да, тут применены и некоторые другие результаты параллельных исследований, включая гормональную терапию и даже изменение митохондриальных соединений. Но все же!

Разведчики и командиры, сидевшие за столом, молчали. Что можно было сказать в данном случае? Такое было практически невозможно, но оно было. Возможности этих солдат поражали. На фотографиях было хорошо видно, как один из солдат, с ног до головы практически «закованный» в защитную «броню», играючи перелетал широкий ров, наполненный водой. Или вот, несколько одинаково кряжистых фигур помогали друг другу, помогая преодолеть высокий забор. Или...

Фотографий было достаточно для того, чтобы становилось ясно – это не блеф. Всё это есть в реальности. Куминову стало страшно, пусть и на, всего лишь, минуту. Но стало. Представить себе, что в том бою против них были не те, пусть и полубезумные и очень странные солдаты, а вот эти... кто его знает, как мог закончиться тот бой.

– И таких солдат на данный момент у них уже достаточно много, товарищи офицеры. – Данилов постучал пальцем по столу, привлекая внимание. – Естественно, что после получения подобных результатов фашисты не будут прекращать эксперимент, даже наоборот. А вот тут, голубчики, и кроется та возможность, что даёт нам шанс создать то, что не даст шанс воплотить в жизнь идею о целой армии подобных, э-э-э... людей.

Профессор улыбнулся. И на этот раз без какой-либо заметной грусти.

– И именно поэтому вы сейчас всё это нам рассказали? – Комполка отложил в сторону скоросшиватель. – Что сможет разведывательная рота там, где нужна бомбёжка авиадивизией? Или применение реактивной артиллерии особой мощности?

– А вы знаете, где бомбить, товарищ полковник? Или куда направлять машины с реактивными минометами? Они же не в чистом поле, понимаете?

Медведев замолчал.

– И как бомбить то, что создавалось как защита именно от атак с воздуха и даже не простыми авиационными бомбами? – Данилов сел. – И ещё, наши враги далеко не дети. Их контрразведка постоянно ведёт борьбу с теми, кто по ту сторону нашего с вами фронта. Неужели, как вы думаете, нужна была бы разведывательная операция силами ваших, и не только, скажу прямо, людей? Обстоятельства таковы, что у нас нет другого выхода, кроме как отправлять в этот рейд, изначально смертельный, несколько групп. И всё это в надежде на хотя бы одну, сумевшую вернуться и принести необходимые материалы для исследований.

– Каких исследований? – Медведев посмотрел на него. – У вас же есть вся необходимая информация? Есть?!

– Нет. – Девушка, всё это время сидевшая тише мыши, вступила в разговор. – У нас нет образцов конечных результатов. Именно их необходимо доставить в Новосибирск в результате операции. Простейшая вещь – биологические образцы, простейшая...

– Что? – Медведев недоверчиво покосился на неё. – Какие, к чёртовой матери, образцы?

– Желательно одного из вот этих самых чудо-солдат. – Данилов посмотрел на него. Без тени улыбки на лице или в глазах. – Даже не желательно, а необходимо.

Куминов переглянулся с Иволгиным. Вот чего-чего, а такого безумия он услышать не ожидал.

– И каким же, мать вашу, товарищ профессор, способом мои ребята должны это сделать? – Комполка начал наливать краской. Пудовые кулаки сжались до хруста, а слова, с лязгом ложащиеся в тишине блиндажа, «батяня» стал выговаривать очень чётко и отдельно. – Как вы себе такое вообще представляете? Проникнуть на территорию за линией фронта, далеко за линией фронта. На защищённый, как мне кажется, на уровне охраны рейхсканцелярии, объект. Где, если судить по фотографиям, находятся те самые «берсерки», каждый из которых, опять же судя по фотографиям, весит как небольшой медведь. Вытащить одного из таких с того самого объекта, который так охраняется. Выйти с территории Куйбышева и вернуться с ним назад, сквозь несколько сот километров, где стоят части ПВО и куда не отправить авиацию. Тут дело даже не в самоубийстве, которое налицо. Дело в безумии самой затее. Как, скажите мне, товарищ профессор, вот эти самые ребята должны это сделать? Надеть на головы шапки-невидимки, взять волшебную дудку-самогудку или гусли-самоплясы для той самой охраны, а потом сесть на ковёр-самолёт и прилететь с подобным вот битюгом? Не подскажете?

Данилов прикурил. Откинулся на спинку стула, обвёл взглядом всех присутствующих и ответил:

– Сам не подскажу. А вот с вашей помощью, надеюсь, что додумаюсь.

Глава четвертая

«Каждый из бойцов РДГ должен уметь:
Заменить товарища по своей группе
Зная и владея в нужной мере его военной специальностью»
(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,
Согласно требований БУ-49»,
изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

Куминов стоял на выходе из всей этой системы ходов и блиндажей. Совещание затянулось и уже давно стемнело. Туч незаметно и, судя по звёздам, стоило ждать мороза. Он стоял и смотрел на ночное небо, вслушивался в тишину леса. Вокруг было очень тихо. Караулы давно стали по своим местам. Машины в парке уже не обслуживали. Свободные от службы разошлись по землянкам и блиндажам.

Абраменко уже ушёл к своему взводу, вместе с начальником вооружения. Было слышно, как они сразу начали ругаться по поводу требуемого назойливым лейтенантом снаряжения. Куминов усмехнулся про себя, понимая, что спор ведётся скорее по привычке. Не тот случай, когда хозяйственный майор начал бы зажимать собственные запасы, далеко не тот. Рядом стоял Иволгин, задумчиво рисующий сломанным прутом какие-то узоры на сугробе. Он повернулся к товарищу:

- Дела, Коль, эх и дела.
- Да не то слово. Что-то мне не по себе даже.
- Ты потише трепись давай, не по себе ему. Все всё понимают, но если наша контрразведка тебя услышит, то...
- Ничего не будет. – Смершовец возник сзади мягко и незаметно. Для Иволгина, Куминов его приближение успел почувствовать по запаху.
- Не сейчас. Да и я тоже человек, понимаю... Ну, братья-славяне, чего нахмурились?
- Шутишь, что ли? – Иволгин сплюнул.
- Да не шучу, ты уж извини, привычка. Пойдёмте, товарищ пернатый, есть чего сказать. Мне тебе, а тебе мне. А ты, Николай Саньч, воротись назад, будь добр. Батяня тебя там кличет чего-то.

И он двинулся вперёд, похрустывая снегом. Иволгин вздохнул и пошёл следом. Дождаться повторного приглашения не следовало. А Куминов, ещё раз взглянув на звёзды, вновь нырнул в полутьму блиндажей.

Первое, бросившееся в глаза, когда он оказался в «кабинете» командира полка – передислокация сидевшего в углу. Теперь он высился над столом, именно высился, делая далеко немаленького Медведева не таким уж большим.

Свет лампы отражался от абсолютно гладко выбритой кожи массивной головы. Далеко немолодой, если судить по морщинам на крупно вырубленном лице. Тяжёлый волевой подбородок, небольшие тёмные глаза, практически полное отсутствие бровей. Защитного цвета френч, брюки, аккуратно заправленные в сапоги. Отсутствие каких-либо знаков различия. Из-под полы выглядывала кобура тёмной кожи, а вот оружие в ней, к собственному стыду, капитан не смог распознать.

– Это новая разработка. – Голос у лысого оказался глубокий, соответствующий внешности. Как будто из колодца, глухой, с еле уловимой хрипотцой. – На вооружение пока не поступила.

- Что? – Куминов непонимающе уставился на него.

– Я про пистолет. Автоматический, восемнадцать патронов в магазине, калибр девять миллиметров. Да ты садись, капитан, в ногах правды нет. А что касается пистолета – так ты настолько видимо напрягся и лоб наморщил, что не удержался. Садись, чаю попей и послушай, о чем я теперь вам, с твоим командиром, расскажу.

Куминов посмотрел на комполка. Тот согласно кивнул, крутя между пальцев уже сломанный карандаш. Капитан сел напротив обоих ученых, молча смотревших на него.

– Представляться не стану, оно тебе без надобности. А рассказать кое-что занятное расскажу, и тебе, надеюсь, все станет намного яснее. И то, в первую очередь, почему я именно с тобой решил сейчас поговорить. Да ты пей чай, сынок, пей, он и так уже остыл.

Николай взял полный стакан, который явно дожидался его. Подумал, решил про себя, что вреда от того, что он позволит себе спокойно не то, что поужинать, это хрен с ним, а просто чаю попить – не будет. Подвинул к себе нарезанную, но так и не съеденную, колбасу и хлеб. Смастерил большой бутерброд, и, не смущаясь присутствующих, начал есть. Аккуратно, стараясь сильно не крошить.

– Ай, прав ты, Сергеич. – Лысый чуть хлопнул широченной ладонью по столу, обращаясь к профессору Данилову. – Хлопец-то само-то, молодцом держится. Небось, уже понял, что его позвали не просто так байки потравить, и расслабился. Ждёт теперь, что будет и спокойно себе колбасу рубает, да, Куминов?

Капитан пожал плечами. Повода волноваться он и впрямь не видел. Задача командованием поставлена, его дело теперь эту задачу выполнить. Сидя здесь, он её явно не испортит, так зачем суетиться?

– Ну, тогда и действуй по поговорке: а Васька слушает, да ест. – Лысый широко и по-доброму улыбнулся. – Начнём с того, Николай Александрович, что после того самого боя под Уфой оказался ты в госпитале. И лечился там достаточно долго, после чего отбыл на озеро Байкал в санаторий. И лишь после полного периода реабилитации вернулся в часть, так? Так, так, это я для проформы. А самое интересное в этом знаешь, что? Нет, случай, когда ты трём морячкам кости поломал, мы вспоминать не будем.

– Что, товарищ полковник, не знали? А что тут такого, па-а-аду-м-а-а-е-ш-ь... товарищ, тогда ещё лейтенант, заступился за девушку. Из тамошнего медицинского персонала, до коей героические морские пехотинцы решили домогаться. Есть, к сожалению, и такое в рядах красноармейцев с краснофлотцами. Товарищ же Куминов, случившийся рядом во время прогулки, за девушку заступился и доказал, какой он настоящий разведчик. Да это и не так уж важно, если не учитывать того, что были те товарищи вовсе даже и не морские пехотинцы. А были они специальными сотрудниками НКГБ, из того отдела, что должны были нашего лейтенанта оприходовать сразу же. Но вот ведь казус-то какой, не вышло у них.

Лысый хмыкнул, пряча странноватую улыбку и продолжил:

– А это само по себе весьма, мягко говоря, удивительно, ведь Куминов Николай Александрович хоть и разведчик, но явно не Илья Муромец или Добрыня Никитич по показателям. И даже не Алёша Попович, хотя тот вообще... ещё та хитрая сволочь была, не отличавшаяся богатырским, значит, здоровьем и духом. Но это к делу никакого касательства не имеет. А имеет к делу отношение лишь тот вопрос, согласно которого каким же таким хитрым способом обычный разведчик умудрился поломать трёх «волкодавов», против которых десять таких выпусти, а они справятся... теоретически. И ещё, прошу заметить, будучи при этом раненым, находящимся на лечении. Ответить тебе, капитан, как такое возможно физически?

Говорящий сделал театральную паузу и хитровато посмотрел на Куминова. Тот пожал плечами и вернулся к чаю, соорудив себе ещё один бутерброд. На этот раз с варёным сгущённым молоком, в качестве десерта.

– А ларчик-то просто открывается, товарищи полковник и капитан. Товарищам профессорам объяснять не нужно, они-то в курсе уже. Таких, как капитан Куминов, у нас всего пара-

тройка человек на сотню. Причём на сотню тысяч. А уж как нечасто получается им себя показать, я и говорить не буду. Что поделаешь, если наш с вами человеческий организм есть такая вот хитрая штуковина. Чего только в закромах его не натырено до поры до времени, и чаще всего вся эта штуковина никак себя не проявляет. Но бывает и наоборот.

– Пырнул капитана Куминова секретно-важный захватчик ножом, да так, что должен был капитан сейчас не с нами разговаривать, а помереть... но не вышло у супостата. Организм Николая Александровича проявил вполне обоснованную тягу к жизни и извлёк-таки на свет божий из закровов некоторую, с позволения сказать, заначку. А так как у этой заначки состав химический тоже очень хитрый, то из организма выводится он долго. Анализ крови у капитана Куминова в госпитале брали постоянно... после того, как лаборантка, увидев непонятные ей элементы, в отчёте это самое и указала.

Ученые переглянулись и кивнули. Батя явно насторожился. А Куминов... Куминов доедал сладкое. Лысый складно трепался дальше:

– Уведомила соответствующие органы, согласно инструкции, которая вроде и не важная, но есть. Давно уже есть, именно на такие случаи, так как грешно таким людям, если они у Родины есть, ей, Родине то есть, не служить. И уж тем более, когда и так на службе человек, подобный капитану, состоит. Интересно тебе, Николай Александрович, слушать? Хочешь дальше?

Куминов хмыкнул и кивнул головой. Было заметно, что лысому самому очень нравится сидеть и всё это рассказывать. Но где-то глубоко внутри, в самом низу живота, неожиданно ёкнуло. Какие, к чёртовой матери, заначки и закрома?! Мужчина улыбнулся, явно заметив всё то, что происходило в голове разведчика, и продолжил:

– Так что пошли результаты дальше, и туда, куда и должны были прийти. Умница девушка-лаборант оказалась. Придумали потом повод, чтобы повышение ей сделать и премию выдать. За стахановские показатели в работе и как-то там ещё, наверное, этого-то я уже не знаю.

А за тогда ещё лейтенантом Куминовым стали наблюдать, и даже непросто наблюдать, но даже немного исследовать. Совсем немножко, чуточку практически. И псевдо-морячков потом специально направили, чтобы на результаты исследований посмотреть. Оправдал наши ожидания лейтенант даже не на сто, а на все сто двадцать процентов. Лишил, правда, при этом, отдел сотрудников на пару месяцев... м-да. Ну, да речь не о том. А так как в институте люди не только любознательные, но и ответственные, знающие цену нашего труда перед Отечеством, то мы пошли дальше.

– И насколько далеко пошли? – Куминов покачал головой, понимая – дальше услышит совсем интересное.

– Для начала, Николай Александрович, в группу к вам начали направлять пополнение с похожими показателями. В результате вся она у вас теперь такая, и даже те, кто раньше был, оказались очень близкими к вам по результатам. А оно и неудивительно, так как уже давно известно тем, кому должно быть это известно, что вы, такие-то люди, друг к другу сами притягиваетесь. Особенно во время войн и прочего. А теперь, капитан, серьёзно. Повеселил я тебя и хватит.

– В вашу разведывательную роту, полковник, последовательно переводили людей, чьи показатели несколько выше, чем у других. Сводили в один взвод, где командует капитан Куминов. Убирали тех, кто был средним и обыкновенным. Показатели группы Куминова намного выше других, так? Так. Это вполне закономерно, даже при учёте того, что не было никаких вмешательств в деятельность организмов военнослужащих. Имеющееся внутри каждого из них есть чудо, чудо, намного лучше любых хитроумных веществ, которые умники, подобные профессорам, что сидят напротив, выдумывают в лабораториях. А творимое гитлеровцы там, в

Куйбышеве, очень схоже с тем, что есть у нас. И поэтому сейчас мы здесь и говорим о особенностях нашего капитана и его РДГ.

Именно группа капитана может выполнить эту задачу, которая так необходима нашей стране. И дело даже не в том, что в «Берлоге» сейчас создают тех солдат. Это, в конце-то концов, просто солдаты, которых можно накрыть бомбёжкой, «катюшами» или просто устроить диверсию с применением БОВ¹². Но сам процесс, запущенный там, может оказаться необратимым. Если что-то пойдёт не так, то вся захваченная территория может оказаться заполненной результатами данного эксперимента. Мы знаем, что нацисты пошли по пути евгеники, применяя хитрую штуку, генную инженерию. И нам нужен образец как ключ к тому, чтобы разработать абсолютное оружие, которые не позволят использовать результаты их опытов как вещество массового поражения.

Он замолчал. Ни командир полка, ни сам Куминов не сказали ни слова, ожидая продолжения. Оно не замедлило последовать.

– Профессор, – лысый посмотрел на Данилова, – вам слово.

– М-да... – тот уже ставшим знакомым жестом покрутил в пальцах очки. Потом закурил, и продолжил то, что стало совсем неожиданным. – Всё сказано абсолютно правильно, верно и так, как должно быть. На самом деле, нам всем необходимо, чтобы операция прошла нормально, с тем конечным результатом, который необходим и который я озвучил. Вы понимаете, товарищ капитан, что от действия вас лично, и каждого вашего подчинённого зависит многое? Сейчас я постараюсь объяснить ещё кое-что, жаль, что не получится наглядно продемонстрировать.

Он кашлянул, немного нервно побарабанил по столу пальцами. Потом открыл один из скоросшивателей. Подвинул к капитану. Тот посмотрел на самые первые фотографии, те, на которых были серые тощие твари и медведь с головой крокодила. Вопросительно глянул на Данилова, который затушил сигарету и наклонился к нему. Было видно, что учёный волнуется:

– Вы только представьте себе, что может произойти, если в какой-то момент нацисты решат выпустить этого зверя из логова. Нет, ни конкретно вот этого, товарищ капитан, нет. Страшная, конечно, скотина, но ведь вы не побоитесь со своим автоматом против медведя выйти, если что? Вот именно, и тут в чём-то схожая ситуация. Да, у этого вот существа, к слову, чрезвычайно низкий болевой барьер, можно сказать, что на раны ему начхать. Регенерация, восстановление тканей, то есть, очень быстрая, куда там любому зверю до него. Но ведь одного такого и группа охотников, если будет готова, теоретически положит насмерть.

А вот представьте, если таких не одна, а тысячи. И вот таких тоже, и таких. И все они бывшие наши с вами земляки, граждане нашей с вами страны. И вовсе необязательно оккупированных территорий. Ведь рассеять контейнер, или несколько десятков контейнеров этой, подобной вирусу дряни, с помощью дальней авиации очень даже возможно. Представили?

Зачем тратить силы на войну с врагом, который никак не хочет сдаваться, упрямо вставая грудью против танков, если надо, закрывая собой амбразуры ДОТов или кидаясь с голыми руками на штыки? Проще сделать так, чтобы сами себя изнутри уничтожили. Вы ведь видели, как ведут себя те самые солдаты, они же были практически неуправляемы. На одном из участков фронта, где по какой-то ошибке препарат был применён на час раньше атаки – они пошли на своих. Естественно, об этом нам стало известно через разведку с той стороны. Но ведь пошли, понимаете, батальон солдат пошёл на полк позади, по дороге разбираясь между собой. Я видел киностёмку, сделанную после их уничтожения. В некоторых местах не было белого снега, был лишь красный. Алый от крови. Заброшенный человеческими останками.

Профессор покачал головой, уставившись в точку прямо перед собой. Замолчал, видимо, вспоминая то, что видел.

¹² *– *Б(оевые) О(травляющие В(ещества)). Прим. автора.*

Куминов кашлянул, посмотрел на командира. Медведев сидел мрачный, вновь сжав кулаки, но смотрел не на него. Взгляд командира полка был направлен на лысого. Тот спокойно смотрел в ответ, ожидая того, что тот скажет.

– И давно про это известно?

– Не очень... – лысый отхлебнул чай из своего стакана. – Можно попросить сделать погорячее? Очень уж он у вас вкусный.

– Можно. – Медведев жестом остановил капитана, начавшего вставать. – Ты, Коль, сиди, пойду я схожу, сам поставлю. Ординарец у меня спит уже, нечего его трогать.

Он встал и ушёл за занавеску. Было слышно, как Медведев о чём-то спросил дежурного связиста. Потом чуть лязгнуло, наверное, командир действительно сам поставил чайник на печь.

– Такие вот дела, капитан. – Лысый повернулся к Куминову. – Понимаешь теперь, какая на тебе ответственность?

– Понимаю. – Николай потёр подбородок, который уже успел стать колючим. – Я вот чего не понимаю, так это того, как этот самый образец сюда тащить, после того, как мы туда дойдём и проникнем.

– Хороший настрой. – Профессор Венцлав кивнула головой. – Необязательно тащить целый экземпляр. Достаточно будет взять просто образцы тканей, причём с разных экземпляров.

– О как. – Куминов восхищённо присвистнул. – С нескольких-то ладно. Мне вот теперь ещё интереснее. А если, ну, мало ли, отрежу и притащу не тот кусок ливера, что надо, мне снова с ребятами туда идти придётся?

– Нет. – Девушка покачала головой. – Я пойду с вами. Именно для того, чтобы вы не отрезали не тот кусок ливера.

На войне, как... – 2

Кавказ, 195... год

Жгучая нитка трассеров протянулась к нему через пять минут после вышедшего солнца.

Солнце выплеснулось из-за серого неба сразу. Залило камни, зеленку внизу, блеснуло по речке. Алым и синим облило хребет, идущий справа, резануло лучами по глазам Макара.

Тот прищурился, ругая самого себя за очки, до сих пор не опущенные. Здесь, на не самой большой высоте, солнце частенько играло на руку вовсе не им. А врагу. Слепило, отражалось от снега, от кристалликов льда между камнями, не тающих с приходом весны.

Отряд лежал на дневке. Ночевать пришлось здесь же, опасались слезки. Вчера к вечеру перевал затянуло густо-сизым туманом, липнувшим ко всему, не давай рассмотреть хоть даже руку, выпрямленную перед собой. Сходить, сползая вниз, к ущелью и узкому горлу-вхожу в долину, туман начал лишь под утро. И то, до сих пор вязко ворохался под ветром, вырывавшемся из ущелья, уходящего к хребту.

Ни сам Макар, ни остальные ребята, да и даже командир, не полезли бы сюда, не приключись беды по пути. Отряд явно сдали, их гнали долго, прижимая к речке, ко второй, надеясь на переправу и возможность пострелять в это время. Но командир, Серега Малинин, Малина, не дурковал, хотя родился не здесь и места знал плохо. Малина вел отряд быстрым бегом, переходя на шаг сразу, как отрывались, оставлял секреты, снимавшие то людей, то, куда важнее, псов.

Малина, натуральный донской казак, рожак станицы под Новочеком-Новочеркасском, немцев ненавидел лютой яростью, такой, что зубами был готов грызть. И убивал без жало-

сти, не разводя интеллигентных мерихлюндий. Пленные? Какие-то пленные, война вокруг, пленные, придумали тоже... А они наших там что, на курорты отправляют?

Все знали – на курорты никого не отправляли. А случилось и хуже. Малина, зная о «хуже» многое, видевший своими глазами, уходил, если обсуждали Дон.

На Дон, после огненной бури на Волге, вернулись старорежимные, беляки, шкуровцы. А их, как часто случается, некоторые даже ждали, кланялись, протягивали хлеб-соль. Эти лютовали куда там немцам, эти вспоминали все, оставшееся за спиной с семнадцатого года.

Малине говорили, мол, везде такое есть, всюду подлецы найдутся. Малина слушал, кивал головой рассказам о Кубани, о горах, среди которых отряд обретался частенько и уходил. Веры в людей ни у кого и не осталось, так, на чуть-чуть. Пока их как-то не спас лезгин с аусвайсом.

Плотный усатый дядька, вывозивший из сельца заготовленные хворост с бревнами, наткнулся на разведгруппу у речки. Отошел помыть руки и, развернувшись, уставился прямо на Малину в пяти шагах и с ножом в руке. Почему командир не бросил нож, не кинулся, покошачь, чтобы перерезать глотку? Даже сам не смог потом объяснить. Вроде как увидел в глазах что-то, мелькнувшее и цепанувшее накрепко. Малина тогда не прогадал.

Разведгруппа шла четыре пары ног. Пятую, сержанта Бахметьева, тащили на плечах. Сержанта клюнула пуля, следом вторая, натворив дело в ляжках. Он не умер от кровопотери, но идти не мог. А Малина, полгода воевавший с одними и теми же людьми, нарушил все инструкции. Не добил товарища, приказал тащить на себе. А их уже гнали.

Макар был тогда с ними, и даже видел грузовик усатого, стоявший на краю села.

Через час они тряслись в кузове немецкой машины, аккуратно заваленные сухими нарубленными ветками, осторожно ели горячую лепешку, переданную водителем и не знали – чем все закончится.

Закончилось поздним вечером, стареньким доктором-армянином, ночевкой и новой ездой, теперь уже за старыми больничными матрацами. Лезгин отвез их в Кизляр, откуда требовалось перевозить боеприпасы для егерей, стоявших в горной Чечне. Из Кизляра группа вышла к партизанам на Кубани, и, отлежавшись, их снова отправили назад, воевать в горах и предгорьях, к своему отряду.

Здесь, на выступе скалы, откуда шла дорога на перевал, они оказались не случайно. Отступить все же оказалось некуда, их загнали, а туман дал отоспаться и хотя бы немного восстановить силы. Сниматься следовало прямо сейчас, когда тропка виднелась хорошо, хотя в горы лезть не хотелось. Стальные клинья у отряда имелись, но маловато. Веревки должны хватить, конечно, но теплой одежды почти нет. А больше двигаться некуда.

Шамиль, проводник из горских партизан, тоскливо косился на хребет, куда им скоро придется карабкаться. Шептал под нос, поминая милосердного Аллаха и не смотрел на Ваньку, атеиста и комсомольца, своего давнего друга, встреченного у Малины.

Отряд должен был добраться до грузинских товарищей, передать им новое оружие, гранатометы, и забрать партию английских лекарств, в первую очередь – антибиотиков. Нападать на госпиталь немцев становилось все сложнее. После начавшейся бучи у их союзников, болгар с турками, немцы зверели с каждым днем. А караулы, обыски, облавы и проверки документов усиливали на глазах.

– Чуют гниды, чье мясо съели, как та кошка... – Малина злился из-за невозможности пополнить каптерку партизанского госпиталя и радовался творящемуся. – Сейчас-то наши начнут, зараз, наступать. Погонят сволочей и в хвост и в гриву, точно говорю, хлопцы.

Хлопцы соглашались и снова шли в горы, навстречу редким грузинским товарищам, помнившим честь с совестью. Тем перепадало медикаментами из совсем дальнего Закавказья, где турецкие оставшиеся армяне, объединившись с курдской армией, всюю воевали с османами.

Курдов снабжали союзники, потрепанные, как и все за двадцать лет войны, но упрямые, как и все англосаксы. Лекарства, частенько, попадали лежалые, когда совсем выдохшиеся, но госпиталю, спрятанному в разросшихся прикубанских лесах и сопках, нужно было все.

Кубань, Дон, Кавказ, Причерноморье и даже Крым, отрезанный морем и узостью Перекопа, боролись и сдаваться не собирались. Где-то прижимали, остатки отрядов рассыпались и прятались, терпели и снова выходили дербанить и шипать серо-мышинных, считавших себя хозяевами.

Вот потому отряд и ушел назад, едва вернувшись и продравшись через три кольца облав, искавших его. И попал, как кур в оцеп, зацепившись с полицаями на самой границе Веденской волости. Их отжимали все дальше, догнав до предгорья и там они оторвались на полдня, начав забираться все выше и выше, готовясь пойти в снег в одних сапогах. Планом встреча намечалась на равнине, у села Курчалой, но туда отряд не дошел совсем, развернутый ротой фельдшармерии и прилетевшей на выручку двойкой «Драккенов».

Ну, и вот...

Трассера протянулись к Макару жгучей ниткой. Он упал ничком, слыша, как те стучат по камням. Следом ухнуло, а вот грохнуло уже рядом. Погоня умудрилась притащить сюда горную артиллерию, не иначе.

– Готовиться к подъему! – Малина скатился к тропе, выведшей их на этот скальный козырек. – Пулемет сюда!

Проскакал, не теряя достоинства, Лева Николян, огромный и всегда смеющийся. Поставил МГ-50, разложил сошки и... прижался к камням и зеленым былкам травы, пробивающейся между ними.

Малина выругался, вцепился в пулемет и резанул несколькими очередями. Макар подтащил ему две оставшиеся коробки с лентами, поставил.

– Что там, командир?

Малина не ответил, прищурившись – искал цель. Николяна снял снайпер, и снайпер очень уж хороший, с такого-то расстояния, да с солнцем сбоку, да снизу. Хотя...

Макар похолодел, видя входное, точно в ребра и слева. Кинулся вниз, прячась за валун. Пуля тонко взвизгнула, прилетев с гряды напротив и срикошетив о каменюгу.

Ванька, рванувшись к прогалине между глыбами выступов, залег там. Скинул чехол с прицела, нацепил самодельную крышку-козырек, чтобы хоть как-то убрать блик. Замер.

Стрелком он был, что говорится, от Бога, от коего сам и отказывался. Попадал куда угодно и во что угодно, что точно видели глаза. Чего не видели, но куда дотягивалась оптика, рассматривал и сшибал с первого раза. Стрелял быстро, не ерзая и пыхтя, как второй снайпер отряда, Мишка Боев. Прижимался к земле, к кирпичу, к кустам, к траве, все равно куда, сливался с ними воедино, находил цель и, тут же, не задерживаясь, отправлял пулю в полет. Иногда следом пускал даже вторую, или чтобы наверняка, или по чуть менее важной цели.

Шамиль, дравшийся и братавшийся с ним лет с пяти, Ваньке завидовал, но даже не ворчал. Как встретились и оказался он приданным отряду Малины, сам собой оказался номером-помощником, таскал патроны, прикрывал тыл друга, рыл, если надо, ячейку и старался не отпускать того одного на охоту за погонами, молниями на петлицах и фуражками, задранными до неприличия.

Сейчас, тощий и черный, он уже оказался рядом, выглядывая из россыпи мелкой крошки слева и пытался рассмотреть хотя бы что-то на той стороне, на гряде, поросшей кустами и даже распушившейся горной травой.

Макар, замерший за своими камнями, не шевелился. Прилетевшая пуля заставила редкий раз испугаться, пройдя совсем рядом и почти коснувшись. Он переводил дух и все пытался

понять – стоило ли сейчас беречься, или снайпер-немец не дурак и сейчас, меняя положение, еще и ищет новую цель?

Малине оказалось наплевать. Втершись между тут-там торчавших острых гольцов, грибами вылезших на самом конце подъема из долины, он постреливал очередями, заставлял ползающих внизу немцев искать укрытие.

– Егерей прислали! – он повернулся к отряду и улыбнулся. – Ишь, какие мы знатные стали, полицаев да полевую серую кобылку по наши души не отправляют, цвет горных частей вон, внизу раком ползает. А, каково?!

Отряд, десять человек, лежащих и выжидающих результат соперничества Ваньки с неведомым фрицем, молчал. Вжимался в едва вылезшие пучки тонких трав, прятался за выступами каменного горла, ведущего вверх и молчал. Смерть, гуляющая по ним через рамку прицела, ни разу не мелькнувшего с гряды, холодила всех. Не боявшихся пускать под откос поезда, в ледяной воде полугорных речек доплывать до мостов и рвать их к чертям, снимавших часового в пяти метрах от его напарника, шедших даже раз прямо на пулеметы районного комиссариата, где случайно сгрузили на ночь пять полевых минометов и запас мин. Отряд делал такие вещи не моргнув, но сейчас, вымотанный пятью непрекращающимися днями бега, собравшийся лезть через перевал, дрогнул перед одним единственным стрелком, не побоявшимся забраться на кручу, высившуюся напротив.

– Шамиль! – Малина повернулся к проводнику. – Я его выманю, а ты веди. Ваня, готов стрелять?

– Командир... – протянул Петр, обычно молчаливый и не прекословящий. – Я...

– Приказ слушай, боец! – выплюнул Малина и повернулся, вдруг показав всем самое страшное – пробитое с правой стороны тело. Пробитое выходным отверстием. Малина был уже мертв и знал это.

Шамиль, ругнувшись под нос, съежился, готовясь к броску.

Малина, уже бледнея, неудобно повернулся к гряде. Полоснул очередь, второй, третьей. На пятой, не раньше, его перекрыл звонкий хлест винтовки, а Ванька, вросший камень, выбрал спуск на своей.

Там, на той стороне, вниз тихо улетело несколько камней и вдруг мазнуло красным на руке, вяло выпавшей из-за укрытия. Красное тут же поблекло, впитавшись в камуфлированную обрезанную перчатку, но рука не шевелилась.

Малина шевелился. Шевелился совсем плохо, моргая левым глазом, заливаемым кровью со лба, откуда та прямо текла из раны, смахивающей на удар стамески, стесавшей лоскут кожи и чиркнувшей по кости, даже белеющей в длинном разрубе.

– Быстро! – Малина говорил с трудом, сплевывая розово-красную слюну. – Не слышите, что ли?!

Отряд, качнувшийся к нему, замер. Вслушался, ловя любые звуки.

С ущелья, тихо и коварно, чавкало винтами. Немецкий вертолет крался вдоль острых скальных зубьев, стараясь не выдать себя раньше времени и подобраться к отряду наверняка, чтобы накрыть одним залпом. Звук пока еще отражался, размазываясь, но ребята подобрались опытные, угадали – что летит по их души.

Me-55\3, одноместный переоборудованный автожир, легкий и готовый в сборке сразу по выгрузке из транспортника. На эту модификацию, с двумя усиленными движками и даже кое-какой защитой пилота, ставили крылья-пилон, державшие по два реактивных «фаустой-фелля» и спаренный курсовой МГ-50. Вроде бы немного, но людям, стоящим на пяточке, хватит полностью.

Хорошо, хоть не «драккен», тяжелые вертушки сейчас если и поднимали, но в десятках километров. Раз немцы кинули вертолеты, то дело швах, а в сети агентов, работающих среди

оккупантов, нашлась крыса. Накрывали не просто партизан, накрывали группу, несущую важный груз. Потому и не поскупились на егерей и авиацию.

– Один выстрел оставьте. – Малина сплюнул и улыбнулся. – Только зарядите сразу, могу не справиться или затяну...

Они поняли его, не стали тянуть. Прощались, жали руку, наплевав на слабо тенькавшие пули, летевшие снизу. И уходили, чуть шурша падающими камешками. Макар ушел последним, оглянувшись и видя, как Малина снова начал строчить вниз, не давая егерям спокойно переправиться через речушку, прижимая к земле и оттягивая время, когда те смогут вскарабкаться вверх.

Сергея Малинин тяжело дышал, неожиданно сильно устав и жалея, что не попросил свернуть ему папироску. Отрываться не получалось, а целой не было. Закурить, хотя он и не любил, хотелось неимоверно. Особенно слыша уже очень уверенные «чап-чап» винтов, подходивших все ближе.

Лишь бы не пропустить и не дать сволочуге пальнуть по нему наверняка первым. Лишь бы...

Серо-зеленоватый автожир выпрыгнул не снизу. Он быстро, заложив опасный крен, рухнул с неба, на ходу выпустив запас правого пилона. Камень вокруг Малины разорвался шрапнелью, полыхнуло, шваркнув его о плоскую скалу справа. Выбило дух и засыпало с головой, заставив звенеть комариным зудом в голове.

Откуда-то через это назойливое пение дотянулись гулкие хлопки и, открыв глаз, Малина увидел зависший напротив автожир. Узкая пуля обтекателя, осиные стекла и два ствола, смотрящие на него. Пилот крутил головой и уже начал поднимать машину, чтобы перекинуть через узкий коридор, ведущий вверх, куда утопали ребята.

МГ затарахтели, раскидывая веер пуль, две точно попали в Малинина, отозвавшись в теле какой-то странно тупой болью. Как в дерево засадили, не в него. Он улыбнулся, надеясь, что сможет встать.

Снизу, отдаваясь эхом, лаяли немцы, перебравшиеся через реку и уже торопящиеся вверх. А он, командир, лежал тут и пытался собрать себя по кусочкам. Стыдно, стыдно, товарищ старший сержант!

Немец, зависнув еще на немного, повел рычагами управления, задрал нос и плавно потек вверх, гудя самым настоящим шмелем и показав Малине свое незащищенное пузо. Малина, сплюнув тягучей и бесконечной ниткой красного, лег на спину, вцепился в камень и, крича, смог сесть, несмотря на разрывающуюся боль в спине. Вскинул трубу РПГ-2 и жажнул, наплевав на огонь, отразившийся от камня.

Ему на смерть стало просто наплевать.

Глава пятая

«Разведчики могут успешно решать поставленные перед ними задачи
Только в том случае, если способны самостоятельно принимать
Решения в соответствии со складывающейся ситуацией»
(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,
Согласно требований БУ-49»,
изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

– С личным составом познакомлю чуть позже. – Куминов покосился на Сашу, как попросила называть себя девушка. – Сейчас мне с вами нужно просто пообщаться. Правда, совсем недолго, время уже позднее... А мы в армии, подъём ранний.

– Не стоит думать именно так, капитан. – Лысый, возникший рядом словно из воздуха, улыбнулся. – Выход вашей, и не только вашей, группы, послезавтра. С утра никто вас поднимать не будет, если считаете нужным пообщаться с нашей очаровательной учёной сотрудницей, так вперёд. Тем более, что лично я считаю это верным выбором. Задача перед вами стоит тяжёлая, а Александру вам нужно, да и просто необходимо, понять. В отличие от ваших собственных подчинённых, их-то, полагаю, знаете, как облупленных.

– Спасибо. – Куминов кивнул ему. Повернулся к девушке. – Давайте прогуляемся, если вы не будете возражать. Мороз несильный, а я, если честно, устал в блиндаже сидеть.

– Хорошо. – Александра покрутила головой. – Куда пойдём?

– Вон в ту сторону. – Капитан ткнул пальцем в сторону еле видневшейся в лунном свете открытой поляны. – Под руку меня возьмите, чтобы ноги не переломать. Я тут уже наизусть всё знаю, а вот вам явно неудобно будет.

– Эх, молодёжь, молодёжь... – лысый улыбнулся. – Всё бы вам романтику, прогулки под луной, стихи Блока там...

Куминов не стал отвечать, просто повернулся и пошёл в указанную им самим сторону.

Полная луна мягко заливала лес голубоватым светом. Высокие ели и сосны, казались в нём сказочно красивыми. Да и всё остальное, чего касалось своими прозрачными лучами лунное серебро.

Вон, чуть в стороне от основной тропинки, которую бойцы втихомолку именовали «проспектом Ильича», спрятались два КВ-5 из охранения штаба полка. Грозные боевые машины, повергающие в страх противника, сейчас казались странным образом перенесёнными сюда военно-морскими бронированными судами. Грозными и страшными для врага, разумеется, судами. Часовые в тулупах и ушанках, попарно ходившие мимо них, напоминали Куминову, любившему в детстве читать Андерсена, зимних троллей, оказавшихся здесь по ошибке.

Странные чувства вызвала эта спокойная красота у еще очень молодого разведчика-ветерана, идущего под зимним небом с совсем незнакомой девушкой-ученым. Вроде бы, что такого в скоплении военных людей и техники зимой, да под луной? Так ведь нет, есть что-то особенное, неуловимое и пробирающее до глубины души. Романтиком себя Куминов никогда не считал, на красоту внимание обращал, конечно, но не часто. Но последние полгода стал ловить себя на мысли о постоянном желании поймать взглядом такое вот... ну, уловить что-то незначительное и прекрасное, закрепить в голове, запомнить. Совсем как сейчас.

Куминов смотрел на звёзды и хотел смотреть на них иначе. Сколько угодно долго, не думая о том, что вот так, расслабленно и наслаждаясь их красотой, он, возможно, стоит в последний раз. Эта чёртова война, длившаяся так долго, стала привычной. Но он хотел бы закончить её, чтобы эта сука не досталась другим, спокойно спящим там, за Уралом, у мамки

под боком. Ему очень сильно хотелось закончить её, осознавать факт того, что всё осталось позади. Очень хотелось... Написав где-нибудь в Берлине: **ВНЕШНИМ ВИДОМ СТОЛИЦЫ ВРАГА ПОЛНОСТЬЮ УДОВЛЕТВОРЁН**. И он знал, что так и будет, и никак больше, только так.

– Капитан? – Саша, молча идущая рядом, нарушила тишину первой. – Вы вполне обоснованно переживаете сейчас за группу, так что поделаешь? Придётся вам меня тащить с собой.

– А почему вы так считаете? – Куминов чуть глянул на её профиль, чётко обрисованный лунным серебром. – Я ни слова ещё не сказал, тем более что есть приказ.

– Что и зачем тут говорить? – Девушка чуть улыбнулась. Самым краешком губ, слева. – Всё прекрасно понимаю. Думаете, я бы хорошо себя ощущала, если бы вдруг в мою лабораторию зашли вы с подчинёнными и заявили, что прибыли помогать мне в работе с вирусными культурами, к примеру? Точно также, понимая, что это приказ, делала бы что умею и злилась про себя. Постараюсь не быть совсем уж большой обузой. Я ведь нормы Осоавиахима всегда сдавала легко. И пока училась, занималась атлетикой, лыжами, стрельбой. Самбо немного знаю.

Куминов хмыкнул. Подумал, хмыкнул ещё раз и двинулся в сторону ближайшего «КВ». Подошёл, пожал руку часовому, тут же тактично отошедшему. Махнул девушке, подзывая её к себе.

– Вы знаете, что это?

– Да. – Было слышно удивление в голосе. – Тяжёлый танк «Клим Ворошилов», пятой модели. Вооружение...

– Не надо мне рассказывать его ТТХ. – капитан улыбнулся. – Рад, что вы действительно готовились ко многим вещам. Вопрос в другом, уважаемая спортсменка, комсомолка и настоящая красавица Александра, совершенно в другом. Я и близко не предполагаю, что такое вирусные культуры, из культур разбираюсь разве что в плодово-ягодных и прочих сельскохозяйственных, и то из-за детства в колхозе. Но соваться в них самостоятельно точно бы не стал, даже если бы знал теорию на отлично, но не имел практики. Да, вы пойдёте в составе моей группы, действительно наиболее опытной и успешной из всех не только в нашем полку, но и в дивизии как минимум. Но это так, для страховки. Знаете, Александра, от чего никто нас с вами не застрахует?

– Нет... – она насупилась, глядя на абсолютно спокойного Куминова. – Подскажете?

– Ну, а чего не подсказать-то? – тот кивнул головой. – Я не зря подтащил вас к танку. Это наша боевая машина, прекрасный и незаменимый помощник пехотинца на поле боя. И очень страшная вещь, очень. Понимаете, о чём я? Орудия, пулемёты, усовершенствованный дизельно-комбинированный двигатель, широкие траки, довольно высокая скорость. А броня! Немцы этих машин боятся и всегда боялись.

Куминов выдохнул, вдруг поняв – шпарит он казенными сухими фразами, да еще так же героически, как в сеансах кинохроники. Нехорошо, товарищ капитан, девушка же...

– Понимаешь, Саша, у немцев хватает своей бронетехники, всякой разной. Есть, например, «Белая пума», слышали? Нет? А я вам расскажу, потому как каждый разведчик должен знать своего врага.

А эта машина, вернее, броневедомитель, входит в состав злейших наших врагов. У нас – БРМ и БРДМ, у них – «Пума», к примеру. Высокий дорожный просвет, покрышки с самогерметизирующим составом внутри, броня в несколько миллиметров, устройство радиолокационного, шумового, теплового и ещё бог его знает какого поиска. А также несколько прожекторов и, самое главное, пулемёт калибра девять миллиметров у стрелка-радиста и двенадцати миллиметровая бандура в башне. Которая, к слову, вертится на триста шестьдесят градусов. Уровень проходимости чудесной ганцевской бибики – как у наших разведывательных машин. Объяснить, к чему всё это? Запросто, да прямо сейчас.

Куминов подошёл поближе к девушке. Посмотрел в тёмные глаза, блестящие в лунно-звёздном свете, нахмурился.

– Там, за линией фронта, на ничейной полосе, они курсирует как литерные поезда, туда-сюда, туда-сюда. Там целые охотничьи своры немцев, и не только на них. И все они там только и ждут момента, чтобы поймать нашего брата. А вы мне тут про атлетику...

Можете представить себе, как убегать от такой вот, пусть и не такой огромной, железной машины? Да вдобавок, лупят по вам из крупного калибра, а? И не приведи Господи в такой ситуации нам с вами оказаться, это же провал задания, сразу. Но если что... можете? Понимаете, говорите, меня...

Куминов покачал головой, глядя на нее. Приказы, приказы, задания. Ну, скажите на милость, какой такой приказ заставляет её идти? У них что, больше не было никого в институте, что ли... или?

– Стоп, машина... – он подошёл к ней ближе. – А скажите-ка мне, Александра, у вас разве мужчин в институте нету?

– Есть. – Даже при лунном свете стало заметно, как на её лице заиграли желваки. – А что такое?

– Вы такая же, как я? – капитан внимательно посмотрел в глаза собеседницы. Та не отвела их, кажущихся такими чёрными ночью. И еле заметно кивнула головой. – Ясно...

Он задумчиво повертел головой и направился в ту сторону, куда и шёл. Венцлав чуть пожала плечами и двинулась следом.

В молчании они шли недолго.

– Расскажите мне, пожалуйста, про этих самых фрицев. Фотографии фотографиями, но хотелось бы конкретнее немного знать – что нас ожидает. Расскажите?

– Конечно, только есть условие.

– Молчать? Так оно и ежу понятно...

– Нет. – Венцлав чуть улыбнулась. И снова одними кончиками губ. – Прекратите мне «выкаты» и называть Александрой. Я же просила называть меня Сашей. Хорошо?

– Да. – Капитан оглянулся вокруг. – Пойдёмте... э-э-э, пошли вон в ту сторону. Не замёрзла?

– Нет. – Саша поправила шарф крупной вязки, крепко обмотанный поверх отложного воротника овчинного полушубка. Притопнула практически такими же, как и у Куминова, унтами и развела руки в сторону. Вроде как: а с чего бы мне мёрзнуть, капитан?

– Ну да. – Куминов крякнул и пошёл к блиндажу собственного взвода.

У входа в небольшую траншею находилась «курилка», устроенная посередине трёх лавок, оббитых войлоком. Он сел на одну и похлопал ладонью, приглашая девушку присоединиться.

– Что именно ты хочешь узнать?

– Оно вроде понятно насчёт того, что эти самые фрицы не совсем обычные. Вот только и мы с тобой вроде как не совсем стандартные люди. А что в этих-то такого, раз позволяет сигать через рвы обвешанными железом? Это к примеру.

– Хороший вопрос... – Саша сняла вязаную рукавичку и запустила руку в карман полушубка. Достала пачку «Столичных» и зажигалку, посмотрела на капитана. – Не против?

– Да нет. – Куминов повёл плечами. Сам он не курил, дыма не очень любил, но на свежем воздухе тот его абсолютно не раздражал. – Кури, если хочется.

– Сам не куришь? – девушка щёлкнула колёсиком зажигалки.

Фитилёк, пропитанный бензином, вспыхнул еле заметно. Саша прикрыла его ладонями, и погасила сразу же. Сигарету зажала в кулаке, на что Куминов одобрительно поставил плюс про себя. Может она и правда будет не такой уж и обузой, как подумалось сначала. Во всяком случае, многие из пополнения новобранцев, да и многие из тех, кто служил за линией фронта,

простую истину о вреде курения ночью из-за снайперов проверяли собственными продырявленными головами. А тут на-ка, посмотри, абсолютно привычным жестом это делает девчонка.

– Не курю. Это вредно при моей воинской специальности. – Куминов подумал, глядя на явно заинтересовавшуюся собеседницу, и нехотя продолжил. – Во-первых, просто вредно для здоровья. Дыхалка, кровеносная система, они разведке необходимы в первую очередь. Во-вторых, вредно для обоняния, это очень важно. Сильные запахи я чувствую издалека, а хороший «ловец» с той стороны – ещё лучше. Меры противодиверсионной деятельности есть разные, и лучше не курить, чтобы ни себя не выдать, ни самому кого близко не подпустить. Как-то так.

– Ясно, просто и доходчиво. Попробую тоже также объяснить насчёт немцев. Так вот... – Саша посмотрела на небо. – Слушай, товарищ капитан, оно важно...

Час назад ты узнал, что сам являешься не совсем обычным человеком. Через полчаса станешь знать ещё больше. У тебя, как и у меня, есть свои, отличающиеся от большинства наших граждан, особенности. Развитие их идёт по нарастающей, сразу же после первичной активизации. Наверняка уже сам обратил внимание как простые ссадины у тебя проходят за полдня, не больше. Ещё, думается мне, приходится и отщучиваться: как на собаке заживает, ведь так? Можешь и не отвечать, знаю, сама проходила. Выносливость, восстановление, да и прочие физические параметры... чудесно, да? Столько всего можно сделать, столько полезного, особенно сейчас, когда война.

Но есть одно «но», капитан Коля. Если активизировать все скрытые до времени ресурсы организма, то расплата будет. Случившееся в бою под Уфой, как раз один из таких случаев. Так уж наш организм устроен, что за всё приходится платить.

– То есть? – Куминов немного непонимающе уставился на неё.

– Да всё просто. – Саша бросила докуренную сигарету в бак с песком. – У тех немцев агрессия была вначале. Те, кто попал в плен, скончались в течение трёх дней, от полного физического истощения, да и психологического тоже. Некоторые, правда, выжили, самые сильные. Сейчас их содержат в изоляторе института, за стальными дверями, постоянно прикрепленных к собственным койкам. И только потому, что они нужны как подопытный материал. Как люди они уже не существуют. Препарат сделал из них практически зверей. Очень агрессивных, опасных и выносливых зверей, готовых к постоянному убийству. Воздействие основных активных веществ, содержащихся в составе инъекций, на определённые участки головного мозга привело к такому результату, Коля. И знаешь, что?

– Что?

– У каждого из нас в индивидуальной аптечке будет по пять одноразовых ампул с инъекционными иглами. И дублирующие у меня. А препарат, который в них находится, практически тот самый, немецкий, только что улучшенный. А еще антидот, его необходимо применить сразу после прекращения действия препарата. Если не применить, то сам понимаешь, чего случится.

– И зачем тогда нам такая радость? – Куминов поёжился.

– Случай же всякий бывает, согласись со мной, капитан. Именно на такой вот всякий случай они у нас с собой и будут. Но это не самое главное, тем более, что рассказывала я тебе про то, что нас ждёт.

– Это точно.

– Те, настоящие «берсерки», созданы по другому принципу. Это, если уж ты говоришь, что знаком с агрокультурами, в чём-то схоже с ними. В течение полутора десятка лет немцы создавали своих юберзольдатен, экспериментировали с различными катализаторами, реагентами, операциями. У этих ребят нет никакой необходимости в постоянно вводимых внутривенно чудо-препаратах, они у них всегда с собой. В самом их организме, постоянно выделяемые и восстанавливаемые.

– Их как сорта помидоров, что ли, выводили? – Куминов мотнул головой.

– Вот-вот, именно так. Долго, вдумчиво, и со знанием дела. А то, что говорил твой полка про шарлатанство всех этих туле и аненнербей, только помогало. Сам понимаешь, что я не так уж давно этим занимаюсь. Но уже успела понять, насколько далеко они шагнули вперёд... хотя и мы стараемся не отставать, хотя бы по некоторым параметрам. Так вот...

Образцы на фотографиях созданы именно как солдаты. Тяжёлая штурмовая пехота, не более того. Пусть и очень страшные, сильные и прочее, но пехотинцы, понимаешь? Другое дело, Коль, что такие, как они, могут сотворить во время боя. Именно поэтому нам надо как можно быстрее разобраться с тем, что происходит в их организмах, чтобы и создать что-то для равноценного удара.

– Подожди... – Куминов недоверчиво pokrutil головой. – Ты хочешь сказать, что вы в своём институте создаёте что-то подобное?

– Не совсем. – Саша нахмурилась. – Мы идём по другому пути. Ты, я, твои ребята, вот что нам необходимо. Нам не до того, чтобы создавать таких же чудищ.

– Понятно... – капитан кивнул, сделав в голове необходимую зарубку. – А дальше?

– Что именно?

– Что ты знаешь про то, с чем нам придётся столкнуться?

– А что я знаю? – девушка пожалала плечами. – Непосредственно в Берлоге нас будут ожидать разные сюрпризы. Про них перед выходом проведут инструктаж, выдадут всю необходимую информацию. Думаешь, мне известно достаточно много? Да нет, ничего подобного.

– Другие фотографии... – Куминов встал, протянув ей руку. – Пойдём потихоньку в сторону командирских покоев. Вы же там остановились?

– Да. Что про другие фотографии?

– Сколько нас может ждать крокодилomedведей или странных серых доходят?

– Это неизвестно. Хуже всего, что периметр Куйбышева давно и надёжно охраняется, а вот внутри него... вот там, Коля, настоящий ад. И мы-то пойдём как раз через него.

– Ад?

– Ад, а вернее... – девушка поправила тёмную прядь, выбившуюся из-под кожаного, на меху, шлема с наушниками, похожего на лётный. – Вернее будет сказать – чистилище. Со всеми его прилагающимися кругами.

– Весёлая предстоит прогулка, ничего не скажешь. – Куминов невесело хмыкнул. – Ну, да ладно, на месте разберёмся.

Остаток пути до командирского «подземелья» они прошли молча. Кивнув на прощание, Саша скрылась под козырьком входа. Капитан глянул на циферблат своих «командирских», присвистнул и торопливо пошёл в расположение собственного взвода.

Он лежал на кровати, застеленной шерстяным серым одеялом поверх матраса. Куминов накрылся собственной шинелью, никогда не пользованной другим способом. За исключением тех редких случаев, когда до полка добиралась совсем уж «высокая» проверка и приходилось передвигаться в форме одежды по Уставу, согласно времени года. А так шинель играла роль именно одеяла, придавая сну под ней какой-то собственный, абсолютно непередаваемый уют. Капитану не спалось, и неудивительно.

Из его «командирского» угла виднелся один из рядов двухъярусных кроватей, где сейчас богатырски отсыпался родной взвод. Печь, находящаяся посредине, отбрасывала на стены, закрытые плащ-палатками, причудливые отблески. Старший сержант Воронков, как обычно дежуривший ввиду отсутствия рейдов на «ту» сторону, подрёмывал рядом с ней. Каждый раз, когда дрова в печи прогорали, кажущийся полностью спящим рано облысевший разведчик неожиданно вставал, тихо открывал дверцу и закидывал в неё несколько поленьев. Шурудил кочергой, сделанной из прута спинки кровати, выгребал из подувала золу в цинковый патронный ящик, служивший мусоркой. И снова затихал, превращаясь в сонную статую.

Куминов усмехнулся, когда в очередной раз Воронков неожиданно встал и стукнул дрo-вами. Этого сержанта-молчуна он планировал взять в Куйбышев в обязательном порядке. План выхода, состава группы и ориентировочного маршрута уже начал рисоваться в голове. И это было хорошо, потому что доказывало самому капитану факт отсутствия какого-либо внутрен-ного расстройства из-за услышанного сегодня. А вернее, вчера, уже вчера.

– Итак, товарищ капитан, – подумалось ему, – кто же у нас пойдёт?..

А чего тут думать...

Глава шестая

«Разведчик должен уметь в полной мере оценивать боевую задачу и ее результат

Лишь полное понимание результата позволит бойцу РДГ быть беспощадным

Как к врагу, так и к себе, полностью посвятив жизнь ее выполнению»

(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,

Согласно требований БУ-49»,

изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

Его взвод и его группа, уже отобранная в собственной голове, так и есть:

Старший сержант Алексей Воронков, так весело прикидывающийся сейчас дрыхнущим. Командиром одной из троек, больше никак. Вместо лейтенанта Игонина, того придется оставить за старшего во взводе. На Лёху Куминов мог полагаться полностью, что было важно. И ещё важнее – Воронков лучший технарь роты. А это в Куйбышеве наверняка может пригодиться.

В его тройке будут ещё Сергей Шутяк, весёлый колобок из мышц и Арсений Силаев, чуть похожий на Пьеро, спокойный деревенский парняга. На войне ставший замечательным снайпером, которого Куминов всегда брал на любую операцию.

Командиром следующей тройки пойдёт лейтенант Хрусталёв, переведенный совсем недавно, и зарекомендовавший себя с самой лучшей стороны. Нахальный худощавый летёха уже успел прославиться в полку неумной любовью к уничтожению врагов Родины и непонятным везеньем. К нему в группу Куминов мысленно пристегнул Герасима Пчёлкина и надёжного, хотя и не всегда послушного, Рустема Сафина.

Последняя тройка, всю сложную дорогу прикрывающая группу, должна быть особенно сильной в плане огневой поддержки. Тут думать капитану тоже не пришлось. Старший лейтенант Эйхвальд, самое оно в данном случае. Женя из потомственных поволжских немцев, давно и прочно обрусевших и воевавших со своими бывшими соотечественниками так, что иногда впору было ставить их в пример некоторым прочим национальностям. Ну и с ним как раз впишутся Андрей Шабанов и Расул Валиев. Андрей был вторым из снайперов, что Куминов планировал брать с собой.

Так как с одним из его личной двойки, а вернее, одной, уже всё определилось, то остался всего один боец. Связист, всегда находящийся рядом. И на эту роль капитан без лишних размышлений определил Камиля Джанкоева, одного из «стариков» с тех пор, когда Куминов был только лейтенантом.

В печке потрескивали сухие дрова, чуть отдавая лёгким смолистым запахом. Он смотрел на тёмный потолок из вплотную друг к другу накатанных брёвен, думал, вспоминал. Сколько вот таких ночей уже осталось позади? Куминов, конечно, мог бы посчитать в голове, но не хотелось. Было не до того. Впереди была неизвестность и опасность, связанная именно с этой неизвестностью.

Ему довелось сходить за линию фронта не один десяток раз за прошедшие пять лет его личной войны. И каждый выход был донельзя опасен, напряжён и ответственен. Половина операций выбивала в его взводе людей, хороших и добрых парней, с каждым из которых успел подружиться. Но всякий раз Куминов сам возвращался назад живой и невредимый, даже начинающая верить в удачу. А сейчас? Да черт знает, как оно сложится сейчас. Но и что в этом такого, если надо? А ничего, просто ещё один рейд, всего один... и он провалился в сон.

– Товарищ капитан... товарищ капитан!!! – его настойчиво дёргали за плечо. Куминов открыл глаза и посмотрел на будившего бойца. Потом поднёс к глазам циферблат часов.

– Охренеть... – такого с ним давно не случилось. Проснуться в десять часов... а-я-я-я-й, товарищ капитан. – Чего раньше не будили?

– Так комроты сказал, чтобы вы отсыпались, вот и не будили. – Боец пожал плечами. Показал в сторону стола, вкопанного в углу. – Мы вам поесть принесли, так остыло, наверное, всё уже.

– Спасибо. – Куминов сел. Засунул ноги сначала в тёплые шерстяные носки, а потом в лёгкие тапки, стоявшие под его кроватью. Ну, если уж разрешили поспать, то явно никто не будет против того, что он появится не сразу по пробуждению. Зарядкой и пробежкой сегодня можно пренебречь, времени на работу по операции совсем мало.

А вот, кроме того, чтобы умыться и почистить зубы, стоило побриться – этого не отнять. Простейшие вещи, связанные с личной гигиеной, ему привили в училище, вдобавок к причудливым папой с мамой. Грязь, длинные волосы, наплевательское отношение к самому себе – ведут ко многим неприятностям. И обычный педикулёз среди них далеко не на первом месте. Заболевания кожи куда как неприятнее. Так что требование военного командования по поводу ежедневного бритья сейчас воспринималось совершенно не так, как на гражданке. А со временем Куминов вообще приобрёл своеобразное пристрастие и привычку к этой процедуре.

А на выходах? Выходы – это выходы. Вон, редко встречавшиеся церковники, пока в дороге даже посты свои нарушают. И ничего, в дороге же.

Горячая вода, нагретая дневальными в баке, уже стояла в специально открытом рядом с входом в блиндаж крытом умывальнике. Надо торопиться, а то холодно и ёмкость, пока еще исходящая парком, могла остыть очень быстро. Дневальный полил командиру на голову, крепкую шею и широкую спину, украшенную несколькими шрамами разной степени длины, глубины и ширины. Куминов отряхнулся как мокрый пёс, насухо растёрся жёстким полотенцем. После трёхминутной, согласно профилактической памятки и рекомендаций военврачей, чистки зубов, капитан приступил к самой любимой части ежеутренних водных процедур.

Помазок с короткой и жёсткой щетиной вспенил обмылок в металлическом стаканчике медного оттенка. Пена, полученная от туалетного земляничного мыла, была густой и плотной, идеально ложающейся на упорные скулы и жёсткий подбородок. Металлическая безопасная бритва лежала наготове рядом. Куминов подмигнул своему отражению в небольшом прямоугольном зеркале, увиденном разведчиками со склада автомобильных запчастей, и начал бритьё.

Утреннее бритьё – это ведь, если подход грамотный, не просто удаление ненужной растительности с лица, вовсе нет. Ведь что с утра самое нужное? Правильно, настроиться на необходимый лад. А что может помочь это сделать, как не внимательная работа острой полоской металла, которая за крохотную долю секунды может оставить совсем неприятный след от неверного движения. Раз так, то и делать это следует вдумчиво и сосредоточенно, особенно если время позволяет. А уж чем и как, это личное дело каждого.

Куминов, например, на дух не переносил так распространившиеся в последнее время литые и глупые станочки с парой лезвий в них. Ни веса, ни уверенности, не говоря о качестве, что напрямую зависит от всего перечисленного и остроты. Опасной же бритвой, как следует выправленной на кожаном ремне, он пользоваться не умел и никогда не учился. Новомодных механических, на ручной заводке, и тех, что шли со шнуром и вилкой на конце, просто не воспринимал. Пользовался трофейной, золлингенской, к ней лезвия, производимые за Уралом, подходили идеально.

Лезвие со скрипом прошлось по гладкой щеке. Капитан смыл остатки пены, глянул на себя в зеркало и остался доволен результатом. Прополоскал принадлежности для бритья, вытер насухо специальным куском ветоши. Убрал их в небольшой кожаный несессер, тоже трофей-

ный. Достал стеклянный флакон с немецкой надписью «Зигфрид» и плотно притёртой пробкой. Налил на ладонь немного резко, но приятно пахнущей жидкости, предвкушая короткий обжигающий миг, нанёс на лицо. Замер... Кожа на какое-то мгновение вспыхнула огнём и тут же успокоилась, подарив ещё немного бодрости.

Через пятнадцать минут готовый к очередному совещанию лейтенант, затянутый в свежевыглаженную форму, уже хрустел снегом, направляясь в штаб.

Всё и все были, как и вчера. Комполка крутил в пальцах карандаш. Профессор поблескивал стёклышками очков, протираемых клетчатым платком. Учёная помоложе и красивее задумчиво дымила сигаретой и отхлёбывала, если судить по запаху, кофе из кружки. Особист и начальник разведки рассматривали карты, разложенные на ближнем конце стола. Абраменко красовался орденом и медалями, а Иволгин затачивал вновь сломанные карандаши. Давешний лысый прятался за кульманом. Все дружно повернули голову в сторону вошедшего Куминова, но никто ничего не сказал, лишь «батя» погрозил пальцем.

– Начнём, товарищи? – полковник чуть стукнул кулаком по столу. – Давайте уже замолкайте и предлагайте продуманные и грамотные предложения.

Командир разведки пожал плечами и подошёл к карте, закреплённой на кульмане.

– Времени у нас, конечно, было маловато, ничего не скажешь. – Его красные и не выпавшие глаза это только подтверждали. – Но кое-что успели намерковать за ночь, товарищ полковник. Итак, предлагаю следующий вариант...

Майор ткнул линейкой в то самое место, где они сейчас все находились.

– Все группы выходят одновременно, завтра после обеда, следуют до точек, отмеченных на оперативных картах. Перед этим – начинается артиллерийская подготовка. Этим, соответственно, мы создаём первый уровень прикрытия. Уровень предосторожности никогда не бывает лишним, и уж тем более, не в нашем с вами случае. Хотя наш СМЕРШ и работает на ять, но лучше перебздеть, чем недобздеть, да... Мои извинения, Александра, вырвалось.

Первой, прикрываясь штурмовым батальоном Остапчука, начавшего прорыв линий обороны противника, выходит группа Абраменко. Это вот здесь... – линейка ткнула в район, находящийся примерно в половине пути от полка до точки отправки за линией фронта. – Здесь у нас несколько довольно сильных участков, причём все они находятся в лесу. То есть разведчики должны мгновенно скрыться в ближайшем пролеске, при этом их прикрывает приданная группа из трёх «Т-45», сопровождает, прикрывая огнём. Танковый взвод здесь идёт как раз в самом необходимом месте этой части немецкого укрепрайона. Прикрывают танки две роты батальона, создавая у противника ощущения разведки боем. Немцы не должны ничего понять.

Есть данные о том, что в нашем районе идёт разворачивание штурмовой группы, и, значит, упреждающие действия с нашей стороны покажутся своевременными. Они не вызовут подозрений, так как за рубеж, захваченный во время атаки, мы будем держать за собой любой ценой. Самое главное – пройти вот этот кусок, закрываемый тремя ДОТами¹³. Дальше группа прокладывает маршрут сама, в основном воспользовавшись лыжами. Вероятнее всего, что вам будет наиболее удобно пройти вот здесь, между населёнными пунктами Сергиевск и Ташлы, выйдя к селу Красный Яр.

Следующей, через десять километров выходит группа Иволгина, вот здесь... Что мы имеем тут, товарищи, так это возможность прождать проход основной группы наших атакую-

¹³ Д(олговременная) О(гневая) Т(очка): укрепление, оборудованное инженерными сооружениями, зачастую выполненными из армированного бетона, углублённое в почву. Чаще всего вооружается несколькими крупнокалиберными станковыми пулемётами. Также существовали ДОТы, оснащённые артиллерийскими орудиями (линия Маннергейма, линия Мажино). Численный состав обороняющихся – от нескольких человек до нескольких десятков военнослужащих. Очень опасная, при грамотном расположении и обустройстве штука. Подвиг А.Матросова относится именно к моменту прорыва у одного из подобных укреплений. Прим. автора. (смотри П.С. далее) П.С.: «А.Матросова» означает Александра Матросова. К сожалению, у нашей Родины подрастает поколение, которое не знает не то, что фамилий Каптария, Егоров, Гастелло, Рокоссовский или Малиновский, нет. Некоторые даже не владеют «инфой» – кто есть такой маршал СССР Георгий Константинович Жуков.

щих сил по руслу, и позже уйти по льду реки на довольно значительное расстояние. В данном случае есть небольшой процент возможного обнаружения группы авиаразведкой противника. Она, как давно известно, курсирует вот в этом и этом районах. Но мы можем уничтожить патрульные вертолеты и автожиры, и это не привлечёт ненужное внимание. Раньше-то никто их не трогал, пока совсем не обнаглели.

В случае же атаки никто не мешает авиаторам сделать небо хотя бы на пару часов чище и свободнее. Так что в данном случае группе Иволгина предлагается уйти в одной из трёх точек выше по течению, что только поспособствует возможному успеху. Прошу обратить внимание также на тот фактор, товарищ капитан, что маршрут вашей группы идёт по дельте реки Большой Кинель, которая в свою очередь выходит в Сухую Самарку. Понимаете, к чему я? Вот-вот, часть пути, при определённых мерах предосторожности, соблюдаемых разведчиками, можно попробовать пройти, пользуясь участками реки. Благо, что петляет она изрядно. К контрольному максимальному времени вы должны успеть. Во всяком случае, расчёты мы делали вместе с вами, так что, Иволгин, тебе и карты в руки.

Ну, а теперь то, что касается третьей группы. Куминов, ты стартуешь позже всех, и идёшь с разведчиками вот отсюда, проходя по диагонали до посёлка Петра Дубрава. Путь самый короткий и, ясное дело, из-за этого наиболее опасный. Этот сектор находится в зоне постоянного контроля охранной дивизии СС, размещённой в Куйбышеве, да...

Майор остановился. Налил воли из стеклянного графина, выпил, продолжил.

– Вы понимаете, товарищи командиры, насколько важна ваша миссия, осознаёте? Не только наш полк, оба соседних, включая лётчиков и танкистов, будут умирать для того, чтобы вы смогли выполнить задачу. Не подведите, ребята, прошу вас...

Батя положил ему на плечо свою тяжеленную руку. Сжал так, что вновь побелели костяшки на литом кулаке:

– То, что нам с вами рассказали товарищи ученые, не совсем понятно, но и не том спасибо. Что же касается охранцов, парни, то тут дело такое... там по периметру стоят иностранные легионы. Из наших... бывших наших. Объяснять кому-то и что-то надо?

Объяснять никому и ничего не было нужно. Слава этих подразделений далеко опережала их самих. Попасть в руки кому-то из тех, кто пошёл по одной дороге с немцами, было страшно, действительно страшно.

– Вот такая у нас с вами диспозиция. Прошу всех заняться подготовкой к операции, включая постановку задач подчинённым. – Полковник, хлопнул ладонью по столу. – Так что разойтись...

Куминов отошёл от блиндажа, сославшись на необходимость зайти на склады вооружения и боеприпасов. После чего вернулся к командирскому блиндажу и зашёл через незаметную дверь за небольшой будкой нужника. Истолковать как-то по-другому подмигивание «бати» он не мог. Как оказалось, догадка была полностью правильной.

– Садитесь, капитан. – Профессор Данилов достал из собственного портфеля, плотной кожи, с медными замками, очередную папку. – Ознакомьтесь, пожалуйста.

Николай развязал тесёмки, разложил чуть желтоватые листы, первым из которых шёл сложенный вдвое план-карта. Покрутил его и понял, что догадки по поводу способа доставки гостей тоже оказались верными. Чёткая чёрная жирная линия с частыми поперечинами шла от места дислокации полка в сторону Уральского хребта. В другую сторону она не вела, начинаясь лишь возле населённого пункта с названием Сергиевск. Хотя Куминову сразу стало ясно, что эта ветка шла параллельно одному из основных ответвлений Волго-Вятской железнодорожной магистрали.

– Вам необходимо добраться до этого пункта. – Лысый, вышедший на свет, сел на лавку рядом. – Отсюда часть пути пройдёт относительно безопасно и быстро. Запас необходимых

заряженных аккумуляторов для локомотива постоянно обновляется нашими агентами. Сядете в поезд, правда не в «СВ», и поедете себе тишком... под землёй.

– А остальные пойдут по верху, значит? – Куминов покачал головой.

– Да, сынок. – Данилов нервно побарабанил пальцами по крышке портсигара. – Именно так и будет. Ты сам до всего дошёл верно, и правильно. Только пойми простую вещь – так необходимо для успеха операции.

– На живца... – Николай сплюнул на пол. – Охренеть не встать, товарищи, что сказать ещё. Пехота пойдёт на убой, чтобы вывести ребят за линию фронта. Ребята пойдут на убой, чтобы дать пройти нам... неужели у вас нет никого, что вы решили отправить именно мою группу, прикрывая её нашими товарищами? Вы ведь подозреваете, что и в полку есть абверовские агенты, и только из-за них затеяли всю эту бойню. Неужели нет никого, каких-нибудь чудо солдат-диверсантов... Не поверю ни за что.

Лысый посмотрел на него, долго, внимательно и изучающее. Откашлялся без надобности и, лишь потом заговорил. Так мягко, что Куминов сразу начал ожидать какого-то подвоха.

– Спрашиваешь, есть или нет, товарищ капитан? Так я тебе отвечу... что нет, вот сейчас и нет. Те, что могли пойти, уже пошли. И не вернулись назад, и весточки не подали. Война идёт, солдат, священная война, ты помнишь про это?! Враг уже двадцать лет почти стоит на наших территориях, захватив всю практически европейскую часть нашей с тобой родины! А ты мне тут говоришь про живца и ловлю на него... не обнаглел ли ты, капитан, а?!

Замолчал, глядя на напрягшегося Куминова, и продолжил снова мягко и обходительно:

– Мы тоже не лыком шиты, Коля, далеко не лыком. Но ресурсы, которыми обладали, либо закончились, либо стоят в таком резерве, что пускать их в ход следует только в очень крайнем случае. А он ещё не наступил, и от тебя и твоих ребят зависит то, наступит он или нет. Мне, веришь ли, не хочется, чтобы он наступил. Продолжим и, надеюсь, без того, что было сказано по поводу твоих друзей. Когда война закончится, сынок, а она обязательно закончится, вот тогда и вспомним всё это.

И после того, как на развалинах Берлина выпьем за победу и за мирное небо, третью поднимем за всех тех, кто помог её достичь, нашей общей победы. А пока не вздумай, товарищ капитан, распускать нюни и забивать голову ненужными тебе переживаниями. Война идёт, помни это. Продолжим?

Куминов кивнул, соглашаясь. Покосился на командира полка. Медведев сидел мрачный, горой нависая над столом. Во время разговора капитану послышался какой-то хруст, и сейчас стало видно, что комполка сломал карандаш, который крутил в пальцах.

Лысый посмотрел на них обоих, чуть дёрнул вбок головой, вздохнул.

– Локомотив должен доставить вас на одну из станций возле основного тоннеля, проходящего под Куйбышевым. Часть из них взорвали и завалили, не давая возможности врагам хотя бы немного продвинуться вперёд, открывая секретные коммуникации. Часть затопили, и они не должны знать хотя бы что-либо. Во всяком случае, теперь нет никого, кто мог бы открыть эту тайну, документы либо уничтожены, либо вывезены в Новосибирск.

«Завалили и взорвали, и никто ничего не знает... – верилось в это с трудом. Но оговорка про то, что именно «теперь» никого нет, сделала своё дело. Куминов вздрогнул, поняв, что человек напротив не ставит человеческую жизнь ни в грош. Если это необходимо для дела»

– А вот дальше разобраться в ситуации сможете лишь на месте. В самом Куйбышеве наших агентов уже нет. – Лысый зло хрустнул пальцами.

– Вычислили? – Комполка мрачно взглянул на него.

– Непонятно. Никаких сеансов связи, ничего подобного.

– А как же тогда с тем, что вы сказали по поводу безопасности подземных коммуникаций? – Куминов напрягся.

– Они не были в курсе про них. Слухи слухами, но найти то, что не хотелось бы, чтобы было найденным, тяжело. Если, в особенности, не знаешь, где искать.

– Что нас может ожидать в Куйбышеве?

– Хорошего ничего. Город охраняется практически по своему периметру. Внутри, по тем данным, что есть, всего несколько районов пригодны для жизни. Именно в них находятся основные немецкие подразделения и администрация, заводы и лагеря с заключёнными, работающими там. Они охраняются даже больше, чем периметр.

– Почему? – Куминов недоумённо уставился на лысого.

– Да непонятное там что-то творится, и нехорошее. И ещё, капитан, запомни... – палец собеседника ткнул в карту на той её части, которую предстояло пройти пешком. – Вот тут вам надо быть очень осторожными. Там происходят странные и страшные дела. Так что держите уши остро, не удивляйтесь и действуйте оперативно, если что-то пойдёт не так. И запомни ещё, Коля... среди охраны самой Берлоги немало необычного, но есть и такое, что ты сначала можешь не понять. В общем, там не только ходячие результаты экспериментов, там, скорее всего, есть те, кто и людьми-то не полностью являются.

– Это как? – капитан недоверчиво покосился на собеседника.

– А вот так, товарищ красный командир. – лысый усмехнулся, растянув губы в совсем незнакомой для него гримасе. – Ты уж поверь, что там встретишь много такого, что раньше только в книгах замечал. Или когда бабушка страшные сказки рассказывала. Запомни одно – любое живое существо всегда можно уничтожить, самое главное хотеть этого. А ты должен, Николай Александрович, очень должен этого хотеть. Потому как, дорогой мой, если ты или твои ребята этого не пожелают, то справиться вам будет тяжело. Права на ошибку у вас нет, ни права, ни шанса ошибиться. В лепёшку расшибитесь, что хотите делайте, но задачу, поставленную перед вами командованием и партией выполните.

Куминов молча смотрел на него. Спокойным и невозмутимым взглядом серо-стальных глаз. Лысый чуть дёрнул щекой, продолжил спокойнее и мягче:

– С собой у профессора Венцлав будет пакет, который она откроет, лишь перейдя границу города. Ознакомьтесь с ней на месте, и, исходя из этой информации, будете действовать. Да ты не думай, Николай, что вас отправляют без каких-либо шансов вернуться. Кое-какая страховка у вас с собой будет. Э? Никак наша симпатичная учёная уже рассказала тебе кое-что? Ох, молодёжь... Венцлав?

– Да?

– Привлечь бы тебя по всей строгости сурового закона военного времени за то, что язык распустила, да не могу. В общем, товарищ капитан, и ты, и ты твои солдаты люди опытные, серьёзные и боевые. Не думаю, что испугаетесь того, что встретите. А если и испугаетесь, то сможете справиться, иначе-то никак.

– Чего нам ждать? – капитан говорил также спокойно, как и раньше. Не волновался, а вернее ничем не выдавал собственного, пусть и небольшого, мандража.

– Ничего особенного, Николай. Так, всё по мелочи, всякой твари по паре. Читал, небось, Гоголя, «Вечера на хуторе близ Диканьки»?

– Читал...

– Ну вот... – лысый улыбнулся. Неожиданно широко и по-доброму. – Вот всякую нечисть и встретите. Неужели ты, командир РККА, испугаешься оборотня, к примеру?

– Да уж... – Куминов сглотнул неожиданно подступившую слюну. – А у нас такие есть?

– У нас? – лысый хмыкнул. – Есть, а куда ж без них-то.

На войне, как... – 3

Северо-запад СССР, октябрь 195.. год

Смерть здесь случалась разной. Но пахнувшей кровью, сохнувшей на жесткой шерсти и длинных клыках, такая ему еще не встречалась.

В город свозили население отовсюду. Новых хозяевам город требовался настоящим, с прогулками по его красивым улицам, с работающими магазинами и улыбающимися людьми. Витрина для той части мира, что верила тем, кто командовал этим театральным представлением.

Когда прорывали блокаду, главным стало вывезти выживших. Любой ценой – вывезти. Самолетами, машинами, поездами. Прикрыть их, не дать бить по пыхтящим составам, по грузовичкам и пассажирским автомобилям, катящимся через озера и заснеженные подтопленные участки, сбивать с серого неба транспортники.

За две недели, уложившие в себя эвакуацию, уложили две дивизии добровольцев. Вызвавшихся самих, понимающих – их может не стать. Не стать из-за блокадников, и так умирающих от голода, авитаминоза, болезней и постоянных обстрелов. Жителей города Ленина, бывшего города Петра, людей, ставших символом борьбы с врагом.

Кто-то остался. Даже не кто-то, а многие, не слабые, таких выносили на руках и грузили в транспорт, нет. Остались боявшиеся самого пути, открытого в лютый мороз, быстро сменившийся шквальным снегом. Пугавшихся немецких стали со свинцом, ждущих их на сотне километров перед новой жизнью.

Остались подпольщики и диверсанты. Остались уголовники и беспризорники. Остались забытые и покалеченные. Но большинство выехало из Ленинграда, загрузившись на железке в вагоны, везшие их к Уралу и дальше.

Уже потом оказалось – им повезло. Тем, кто не струсил и решил идти через огненное кольцо, окружившее город на третий день экспедиции и несколько узких коридоров, постоянно менявшихся и ждущих людей.

Но, в первые месяцы, когда по улицам застучали кованые немецкие сапоги, оставшиеся думали иначе. Так бывает везде и всегда. Везде и всегда найдутся «моя хата с краю», даже если не хата, а квартира в доме на бывшем Невском. И даже не в месяцы, и не в недели. А в дни.

Немцы хотели пройти парадом до Зимнего. Немцы начали идти от Лавры. Первый взрыв случился у Московского вокзала, когда туда подтянулись остатки потрепанной испанской «голубой» дивизии. Им тоже не повезло, заряды закладывали на совесть.

Грохотало у Таврического. У Казанского. Бывший Елисейевский разорвался самой настоящей лавой, густо замесив внутри огненной смеси тысячи тысяч подшипников. Питер, рабочий Питер, советский рабочий Ленинград желал мстить. И мстил.

Патрули остались на улицах столицы Революции навсегда. И убрать их оттуда мог лишь приход своих. Наших. РККА.

Но до этого остались даже не годы, а больше. Десятилетия, прячущие в себе постоянную борьбу тех, кто не сдался.

Беспризорник, их-то, набежавших со всех областей вокруг, никак не могли вывести даже новые хозяева, вжался вглубь большого деревянного ящика, служившего домом. Куча мусора и ящики поменьше закрывали его, скрывая от ненужных глаз. Но инстинкты, берущие своё начало со времён обезьян, прячущихся на баобабах от хищников, заставляли вжиматься глубже. Луны не было, а когда в сторону кучи посветили фонарём, он накрылся с головой кучей пёстрого тряпья, и его никто не заметил.

Там, где фонари, ещё пару минут назад ревели и выли, страшно хрустели суставами и скрипели зубами. Но теперь просто стояли, шумно вдыхая воздух и прихлёбывая что-то горячее из термосов, принесенных людьми в длинных кожаных плащах. Собаки, если судить по

тоскливым и жалобным подвываниям в стороне, сюда не подходили. И беспризорник четвероногих понимал.

В воздухе висел густой и липкий запах крови, растёрзанного человеческого тела, смерти и... страха. Зубы пацана невольно и в очередной раз выбили дробь, и он постарался сжать их как можно сильнее, боясь выдать себя. Лишь бы не выдать, лишь бы не выдать себя этим, которые сейчас, довольно переругиваясь на своём лающем языке и, изредка взрыкивая, торопливо одевались в принесённую «кожаными» одежду.

Его подвела собственная правая, затёкшая коленка и давно разошедшийся ящик. Когда паренёк чуть шевельнулся, стараясь не издать ни звука, доска треснула со звуком пистолетного выстрела в ставшей почти мёртвой тишине переулка. Один из успевших нацепить лишь штаны, дёрнулся в его сторону, поведя головой так, как будто принялся. Луна, наконец-то выскочившая из-за низких туч, отразилась в глазах высокого мужчины серебристым блеском и остановилась на сверкнувших в её свете зубах. Слишком больших для человека зубах. И тогда беспризорник закричал. Отчаянно и безнадежно.

Полчаса назад:

Темно в некоторых местах так, что хоть глаз выколи. Здесь же практически нет фонарей, а те, что есть, не могли освещать все уголки. Это было хорошо, пусть и не во всём, но хотя бы в чём-то. Возможно, что сразу не увидят его издали, не откроют огонь.

Холодно. И вот это уже плохо, очень плохо. От ледяного воздуха мысли сбивались, заметно хуже работало тело. Хотя... тем, кто шёл за ним, тоже ведь сейчас несладко.

И ветер: злой, резкий, рвущий. Проникал в слишком широкие рукава пальто, остро бил через реденький шарф, намотанный на шею. Лезвием только что выправленной опасной бритвы проводил по зазеленевшей коже ладоней. Перчатки... перчатки остались где-то там, позади, брошенные в спешке. Некогда, нельзя было задерживаться, чтобы подобрать их. Совсем нельзя. По пятам, по следам уже достаточно давно торопливо шли. Торопливо, быстро и неумолимо шли. Рядом, совсем уже недалеко почти бежали серые тени на двух ногах, которые так хотели загнать его в паутину дворов и проулков. А там взять в кольцо, скрутить, стреножить. И ещё рядом с ними шли другие, те, которые на четырёх лапах, и при хорошем свете чёрно-рыжие, низкие, длинные. С четким нюхом, который помогает им практически всегда и практически везде.

Он бежал, бежал как мог быстро в этом теле, бежал, надеясь выскользнуть из облавы. Раскрыл свою первую личину, державшуюся все последние семь лет, но это не так страшно. Таких в городе хватит для всех нужных дел. Для терактов, для шпионажа, для передачи данных, для всего, необходимого для победы.

Он боялся раскрыть вторую личность, спрятанную глубже остального, раскрывавшуюся всего три раза и все эти разы оказались очень опасными. После второго в город привезли его... товарищей по приобретенным способностям. Товарищей с «той», немецкой, стороны.

Глупо было считать себя единственным, да ему так и не думалось. Их и высадили втроем, дальше пути разошлись, но пару месяцев назад он почуял, пошел за едва уловимым следом. Феромоны и препараты, вытяжки и сыворотки, все, вкачанное в тела добровольцев, не растворяются бесследно. Особенно когда знаешь – как те пахнут.

Бабкины страшные сказки оказались научными выкладками. Предания старины глубокой обернулись толстыми скоросшивателями документации экспериментов. Небыли и едва уловимые басни у костра обернулись оружием, опасным и необходимым, необъясненным для самого оружия.

Он знал очень немного, знал лишь механизм «развертывания» и «схлопывания», знал свое время в активной фазе, понимал подаренные физические возможности и четко помнил необходимые дозы антидотов с преобразователями, позволявшие мыслить.

Кроме тех трех раз у него – было еще десять. Из них половина оказалась подарком от кого из сорвавшихся коллег, не сумевших справиться. Одного ему пришлось ликвидировать, отыскав дела его рук и зубов. Тогда их осталось двое.

Пару месяцев назад он сам чуть не сорвался, вывернув из подворотни и уткнувшись в серо-холодные глаза третьего... третьей. Женщины всегда были спокойней и контролировали себя лучше. Но за льдом в ее глазах ему пришлось рассмотреть страх. А в левом рукаве пальто – незавершенную трансформацию. Он сбил ее в канализационный люк и выбрался наружу где-то за городом, отлеживаясь сутки и сожрав всех крыс в округе.

А потом...

А потом из канализации, перебивая ужасающий и тяжелый запах, добралась тонкая весточка от таких же, как он. Только чужих.

Вот сейчас и приходилось бежать, надеясь скрыться и думая лишь о том, как выбраться в сторону Карелии. Там леса, болота, там можно пройти до Мурманска, к своим.

Он бежал, как можно быстрее.

Город святого Петра, чьи лабиринты пока давали возможность уходить от погони, спал. Своим обычным, для последних лет, беспокойным сном, прерываемым постоянными свистками и лаем. Как было всегда с того времени, когда на эти улицы, помнившие многое и многих, гордой надменной поступью вошли, чеканя шаг подкованными сталью каблуками, потомки гордых тевтонов. «Ordnung ist ordnung», «Arbeiten mach frei» и «Jedem das seine»¹⁴...

Порядок? Порядок был, поддерживаемый жесточайшим контролем над оставшимися в живых горожанами, оставшимися после прекращения блокады. Из-за этого, из-за постоянных патрулей, регулярно проходивших по улицам, сейчас не удавалось оторваться. За ним шли по пятам, отставая всего лишь на чуть-чуть.

Делала ли работа на них кого-то свободным? В этом он сомневался. Если не считать свободой полное освобождение от собственной телесной оболочки в лагерях, на заводах, в аграрных хозяйствах. От голода, болезней, истязаний... Новое хозяева старательно уничтожали всех, кто хотя бы пытался мыслить, бороться, не сдаваться. Старались превратить тех, кто остался на «этой» стороне фронта, в слабый и послушный скот. Свободы в этом мало кто видел, не считая полицаев, предателей и тех, кому всегда было без разницы на происходящее вокруг. Таких, которым «наша хата с краю», тоже хватало даже сейчас.

Им-то было все равно на остальное, они и работали витриной.

А вот с тем, что «каждому своё» – был согласен на всю катушку. И своё делал так, как никто другой «до», возможно, что и «после» или вместо него. Потому сейчас и скользил вдоль старых стен, стараясь оторваться, уйти, выбраться...

Невысокий мужчина, одетый в когда-то очень хорошее драповое пальто, торопливо шёл, практически бежал через тёмные провалы дворов, уходя от них, ограниченных старыми, царской постройки домами. Домами на Невском, давно переименованном в Гроссе-Фридрих-штрассе. Преследователи, он знал это, уже очень и очень близко. Сомнений и надежд по поводу того, что будет, когда они его догонят, не было. Слишком многое узнал, слишком многое увидел. И слишком многое умел делать сам, чтобы обольщаться насчёт хотя бы концентрационного лагеря. «Шталаг» ему не светил ни при каком раскладе. Был ли мужчина расстроен? Смешной вопрос, конечно, был.

Тем, что все же не смог выбраться сам, убрав последнюю из их тройки и дав возможность уйти другим, обычным людям, готовящим новые взрывы. Жизнь, при всей её паршиво-

¹⁴ «Порядок есть порядок», «Труд освобождает» и «Каждому своё». Последнее утверждение не является исключительно германским и введено в обиход еще во времена Древнего Рима. Приведенные «философские» мысли, кроме первой, украшали ворота фашистских лагерей Бухенвальда, Освенцима, Заксенхаузена и Дахау. Прим. автора.

сти, штука очень интересная и замечательная. И он совсем бы даже не отказался пожить ещё немного, пусть и так, как было последние лет семь или восемь. Но преследователи шли по пятам.

Брякнуло металлическим где-то позади. Чуть позже, слух мгновенно напрягся. Сзади послышался тот самый, давно ожидаемый, звук: хриплый, злобный, захлёбывающийся яростью лай. О да, в этом он абсолютно не ошибся, псы были. Навскидку, принявшись, он мог даже сказать, что их было пятеро, крепких, не очень высоких, вытянутых овчарок. Уж что-что, а в этом мужчина не мог ничего напутать.

Но собак бояться не было смысла, добраться четвероногие не смогут, лишь выведут на него. Хвостатых не обманывал прилипчивый и обычный людской запах. Хвостатые, чуя начало трансформации, крутились на месте или жались к кинологам.

Бояться следовало других, тех, что шли на приличном удалении от людей в зимней серой форме, торопившихся, еле державших в руках натянутые поводки своих подопечных. И правильно, ведь окажись они рядом с псами, те не смогли бы ничего кроме как испуганно выть, прижимаясь к своим хозяевам. Они его-то след еле-еле тянут впятером, понимая, что может ждать в конце. Умницы пёсики, верно всё понимали.

Когда те, кто шёл за собаководами, наконец-то рванули за ним, мужчина ещё пытался выбраться, вихрем несясь по единственной дороге, ведущей на разрушенные рабочие окраины. Слышал, как позади тоскливо и обречённо взвыли глотки псов, рвущихся в сторону от молнией проносящихся мимо странных фигур. Бежал, уже понимая, что не успеет, что выход лишь один, но всё равно бежал, стараясь, выкладываясь, выжимая последнее из себя. И лишь когда сзади, совсем близко, один из догонявших коротко рявкнул, глубоким рыкающим звуком, мужчина остановился. Почувствовал, как сердце заколотилось быстрее, как потянуло болью изнутри, как всегда, уже привычно. Когда первый из нёсшихся к нему смазанной тенью рванулся вперед обманым финтом, мужчина начал собственный смертельный танец. Он атаковал сам, всем мощным и непобедимым телом. На миг торжествуя завыл, ощутив горячую струю, плеснувшую в вытянувшееся вперёд и поросшее короткой шерстью лицо. Темнота пришла к нему позже, вместе с болью. Но прежде... прежде были странные и прекрасные, завораживающие красотой...

...звёзды кружились над ним, сливаясь в широкие серебристые полосы во время причудливого танца. Странное существо, недавно бывшее немолодым мужчиной, лежало на спине, с хрипом прогоняя воздух через пробитые рёбрами лёгкие. Было легко и свободно, странно легко и свободно. Он выиграл последний бой, не сдался, дошёл до конца. И враги, которые ненавидели его, не трогали, сейчас приходя в себя. Он победил.

– Надо отправить его к Роецки. Он хоть и гражданский, но быстро все понимает. Вольф, когда ты понял про этого коммуниста?

– Когда нас вызвали из-за уничтоженной школы для фольксдойче. Глупый русский, командующий полицейскими агентами, решил, что там похозяйничала свора одичалых собак. Написал докладную записку о близком лесе и о пропадавших у бабулек козах. Идиот. Все эти русские идиоты.

– Вольф, но ты же не думаешь, что саксонские бауэры, натолкшись на такое, решили бы писать своему бургомистру про оборотня, верно?

– Просто нужно было сразу вызвать хороших криминалистов, те бы смогли опознать укусы, схожие с укусами приматов. Если эти идиоты не видят разницы между прикусом собак, волков и больших обезьян, то они идиоты, Вилли, разве не так?!

– Не ссорьтесь, не ссорьтесь, майне херрен. Вольф и его ребята прекрасно справились. Остается один вопрос.

– Какой, герр гауптштурмфюрер?

– Как нам теперь усилить патрули, что искать, как пытаться вычислить таких вот... врагов среди населения гауляйтерства? После прорыва в блокаду многие жители ушли за русскими, верно. Но население мы восстанавливаем переселенцами и с помощью вольных хлеборобов, подписавших в лагере заявление о сотрудничестве. Сейчас здесь, ежедневно, оказывается до десяти-двадцати тысяч приезжих с деревень и городков, плюс – мы сами перегоняем определенное количество пленных. Этого мохнатого, вчера бывшего, как полагаю, благонадежным гражданином освобождаемой России или даже фольксдойче с аусвайсом, мы же не могли найти. Да и вы, Вольф, сами отыскали ту погибшую сучку с вырванным горлом, верно?

– Верно, герр гауптштурмфюрер.

– Мне нужны ответы, даже от вас, Вольф. Вы и ваши люди будете вынуждены задержаться тут, а я телеграфирую в Берлин или лично наберу по телефону. Да, вам придется поклоняться по улицам, потереться на вокзалах, но все ради нашего общего дела.

Надеюсь, вы это понимаете?

– Яволь, герр гауптштурмфюрер.

Глава седьмая

«Идеальный боец спецподразделений
Склонен к риску (но не к авантюризму),
В своих неудачах винит обычно себя,
А не "обстоятельства" или других людей»
(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,
Согласно требований БУ-49»,
изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

Тягач подтянул последнюю из восьми гаубиц второй, задействованной на этом участке прифронтной полосы, батареи. Тяжёлая машина старательно ворчала двигателем, лязгала гусеницами, разбрасывала густой снег, мешая его с прошлогодней хвоей и перепрелыми грязно-коричневыми листьями. Гусеницы залязгали, вывернув ещё большую кучу. С утра потеплело и под многотонной машиной образовалась каша, мешающая нормальному движению.

Водитель высунулся из машины, смотря за поворотом. Открыл рот, что-то крича, но за рёвом двигателя ничего слышно не было. Хотя, что мог сейчас орать совсем ещё молодой ефрейтор, кроме как не материться?

Один из номеров расчёта орудия, невысокий, в возрасте, рядовой хмыкнул, вполне его понимая. Какому водиле приятно ковыряться в этакой каше, а? То-то и оно... Тянуть орудия пришлось издали, пробиваясь через совсем нехоженый лес. А что делать, если такой приказ? Вот именно, что ничего.

Солдатское дело простое – выполняй и не обсуждай. Начнёшь раздумывать, так это уже либеральность и свободомыслие. А в армии эти, несомненно, исключительно гражданские ценности, ведут лишь к анархии, хаосу и беспорядку как следствию. Такое в войсках и в мирное время непозволительно, что же говорить про военное? Рядовой усмехнулся мыслям, кажуцимся такими неуместными. Все плоды неоконченного образования, никуда от них не деться.

Война, длившаяся так давно, не смогла разбить народ страны на несколько лагерей, как это случилось после революции. Наоборот, объединила. И приказы, отдаваемые правительством, беспрекословно выполняли все, кто жил далеко за линией фронта. Тем более здесь, на передовой, никто из тысяч людей в форме и думать не хотел о чём-то другом. Цель всех и каждого была одна: победа над врагом.

Тем самым врагом, что в июне сорок первого решил, что сможет победить страну. Ту самую, что уже не раз давала пинка под зад всем, кто считал себя сильнее. А то, что пришлось отступить? Не страшно, сейчас уже не так страшно. Дальше Урала не отошли, встали стальной стеной, сплотившись все вместе, уперлись и не пустили полчища с косым крестом дальше. И не рассуждали, как это было за океаном, где сытых и наглых горлопанов из САСШ¹⁵ сейчас душили те, кого они ещё так недавно не считали даже за людей. Меньше нужно было языком трепать и всякую там дерьмократию строить, когда к тебе в дом лезут оголтевшая свара совсем недавних добряков. Которые вот именно сейчас решили, что хватит просить, а надо взять. Вот тебе и голосование в военное время. Глядишь, переизбрали бы Рузвельта, так и не было бы ничего такого.

Глухой рокот из-за рощицы осин, берёз и низкорослых сосен оторвали его от мыслей. Солдат оглянулся в сторону звука, понимая – скоро даже боль в спине и в ладонях от долбёжки

¹⁵ *С(еверо)-А(мериканские) С(оединённые) Ш(таты)* – название, которое исчезло лишь в первой половине двадцатого века («нашего» двадцатого века). Прим. автора.

киркой, ломом и лопатой земли, звенящей и смёрзшейся до железной крепости, отойдёт на второй план. Стая галок, с криком поднимаясь в чистое и морозное небо, понеслась в сторону.

По колеям, продавленным в белом покрове тягачами, катились нагруженные грузовики. Трехосные махины, выкрашенные защитной краской, шли под завязку загруженные снарядами ящиками. Над небольшой колонной стоял запах дизеля и масла, несгоревшего полностью. Чёрная резина покрышек крошила остатки совсем недавно такого пушистого снежного ковра, ничуть его не жалея. Машины были свои, меньше месяца как сошедшие с конвейера. Ленд-лиз, выручавший в самом начале войны, и высасывающий золотой запас страны, преврался в одночасье. Как раз тогда, как южные соседи янки решили, что хватит терпеть рядом слишком богатого соседа. Но страна была к этому готова.

Заводы в Красноярске и Комсомольске-на-Амуре развёрнутые с нуля, построенные в самую стужу 1946-го, справились. Первые «КраЗы» и «Комсомолыцы», мощные, и тяжёлые машины, пришли в отступающие части РККА в нужный момент. На них, работягах, сменяющих в то время «полуторки» и остальные ЗиСы, войска выходили из огня, шедшего за ними по пятам. Сейчас вспомнить то время, когда по военным дорогам двигались дребезжащие жестянки с деревянной или фанерной кабиной могли уже немногие.

Артиллеристы, развертывающие последнюю из гаубичных установок, лишь тоскливо посмотрели на подкатывающие грузовики. Работа у «богов войны» всегда была тяжёлой. Да, в рукопашную атаку никто из ребят с чёрными погонами не ходил. Но им хватало и здесь, вдалеке от перекрёстного пулемётного огня в упор. Их тяжести не позавидовал бы никто. У номеров орудийных расчётов, сейчас заканчивающих разводку подвижных частей орудий, впереди было чрезвычайно «весёлое» и очень необходимое дело. Наводчики и командиры оставались для подгонки прицелов и наводки, а вот им... им предстояло выгрузить всё то, что лежало под тентами из плотного тёмно-зелёного брезента. Никто в двух батареях не знал ни количества залпов, ни продолжительности артподготовки. Хотя, если по правде, вопрос этот волновал в последнюю очередь. Крепкие ребята в пехотных бушлатах, стёганных фуфайках и редких уже шинелях перекуривали, оценивая поглядывая на несколько «КраЗов», ожидающих их на опушке.

– Перекурили? – командир батареи, перепрыгивая через вывороченные траками кучи, подошёл к бойцам. – Давайте, давайте, мужики. Понимаю – тяжело, но надо успеть.

– Да понимаем, командир, понимаем. – голоса солдат звучали устало, но без тени недовольства. Каждый знал – от него сейчас зависит многое. – Идём уже.

И двинулись плотно, все вместе, к грузовикам. Не делясь на несколько кучек, подошли к первому. Лязгнули запоры борта, грузовик просел чуть больше, когда сразу четверо оказались в кузове.

– Эх, тяжела наша доля... – проворчал давешний рядовой, поправляя плотные рукавицы. – Мама роди меня обратно.

Взялся за стальную скобу с одного бока первого ящика. Глянул на напарника, крепко сжав её в руке. Оп! Тяжёлый деревянный прямоугольник, поблёскивающий на солнце краской, полетел вниз к ожидающим товарищам. Пошла потеха!

Мало что сравнится по усталости с той, что получается после разгрузки нескольких полных боекомплектов всего одной батарее. Не говоря уже про две. Ящики тяжёлы сами по себе, доски на них идут прочные, чтобы не поломались от ударов. Стальные полосы, закрепляющие их, лёгкости тоже не прибавляют. Ручки, свободно поворачивающиеся вверх-вниз в петлях, совсем тонкие по сравнению с самой машиной «сундука». После первых десяти-пятнадцати – следы от них плотно врезаются в ладони, начиная чуть побаливать. И нет разницы в том, что делаешь: хоть сгружай с машины, постоянно нагибаясь-распрямяясь, хоть таскай их один за другим в погреб. Хорошо хоть, что погреб не как дома, для картошки, варенья или солёных

огурцов. Только вырывать его надо сразу по приезду, и только в него складировать всю эту тяжёлую тряхомудию.

Но надо успеть сделать всё до того момента, как из коробки радиостанции еле слышимый голос потребует от Клёна огня. И поэтому сейчас они практически бежали, стараясь не запнуться, не уронить на ноги груз. Наводчики и командиры орудий, водители и запасной связист присоединились к ним очень скоро. Надо было торопиться. До времени, стоявшее в планшетах совсем ещё молодых, недавно из училища, лейтенантов, и которое неумолимо приближалось. Позволить себе находиться в стороне смогли оба командира батарей, связист, дальномерщики и часовые, спрятавшиеся в кустах над ложиной, где укрыли артиллерию.

Лишь они стояли спокойно, сверяя ещё раз данные в планшетах с поданными арт-разведкой. Координаты топографической привязки на местности были верными, результат залпов обещал стать тем, что требовалось пехоте. А время шло.

– Командирам отделений – проверить экипировку личного состава, боезапас и доложить по выполнению! – передал по цепочке лейтенант, командующим взводом. Посмотрел на быстрое, доведённое до автоматизма движение бойцов и поднёс к глазам бинокль.

Пусть и немного, но время на осмотр своего участка атаки у него было. Стрелки командирского «Полёта» показывали время точно и в запасе было около двадцати минут. Взвод выдвинулся на позиции в указанный промежуток, не нарушив графика. Осталось немного, всего лишь дождаться ракеты, сигнала к атаке. А потом, одним решительным движением выбросив себя за бруствер траншеи, идти вперёд.

Совсем ещё юный, чуть больше полугода назад выпустившийся из училища лейтенант покрутил верньер своей оптики. В небольшом прямоугольнике, находившимся над окулярами, еле слышно щёлкнуло. Приборы с дальномерами появились в войсках недавно, но уже успели полюбить. Сейчас маленькие светящиеся цифры в самом углу панорамы показывали пятьсот с небольшим метров до линии обороны гансов. Всего-то полкилометра, всего... сколько из них сможет его пройти и остаться в живых? Этого лейтенант не мог даже предположить.

Рядом возникла плотная и невысокая фигура замкомвзвода. Сержант упёрся локтями о бруствер, внимательно посматривая вперёд. Смёрзшаяся земля со стуком покатила вниз небольшими комками.

– Всё в порядке, товарищ старший лейтенант. – как всегда голос спокоен и уверен в чём угодно. Лейтенанту очень повезло, что в его самом первом взводе оказался такой бывалый и тёртый калач. С такими, как говорится, хоть к чёрту на рога, хоть к его же, бесовской милости, куме на блины. – Взвод к атаке готов.

– Хорошо. Спасибо. – Лейтенант оторвался от бинокля, сняв его и убрав в кожаный футляр, закреплённый на поясе. Оглянулся, глядя на кажущиеся из-за брони угловатыми фигуры бойцов.

Стоят, богатыри, как на подбор, один к одному. Тяжёлая штурмовая пехота, главная косточка всей армии, появившаяся в боях за Волгу. Когда стало ясно, что армия, вгрызшаяся в предгорья Урала, отступать больше ни за что не будет – пришло время появиться тем, кто скоро пойдёт назад. Ломая, круша и снося всё на своём пути, в том числе и кажущиеся незыблыми линии обороны врага. Понятно, что дело это сложное, требующее специального и внимательного подхода. Потому-то сейчас в высоких, чуть ли не в полтора человеческих роста, накрытых накатом из толстых брёвен, ходах переходов было тесновато.

Штурмовая пехота подбиралась из ребят не ниже метра восьмидесяти, редко таких как «замок» – в метр семьдесят. Комплекция соответствовала росту, что не прибавляло фигурам пехотинцев изящества и гибкости. Да и носимая броня, закрывающая корпус, плечевой пояс, бёдра с пахом, своё дело делала. Одетые в серо-белый камуфляж, в больших круглых шлемах, накрытых чехлами, и в тёплых шерстяных масках, бойцы здорово напоминали медведей. Тех

самых русских, фольклорно-сказочных, населяющих улицы русских городов, умеющих пить водку, танцевать под балалайку и безумно злобных к незванным гостям.

«А что, – неожиданно подумалось их командиру, – так оно и есть. Очень похоже, прямо один в один напоминают зверьё западного анекдотичного фольклора. И злые, и страшные, и водку пить приученные».

Лейтенант хмыкнул про себя и решил на всякий случай проверить собственное оружие. Хоть и чистил, холил и лелеял постоянно, как велит БУ¹⁶, но всёж таки. Никогда и никому лишним не будет это сделать. Особенно перед боем, когда каждый нюанс играет роль. Бой, бой...

Он не боялся того, что будет совсем скоро, этот ещё очень юный командир. За шесть месяцев после выпуска произошло многое. Война и есть война. Было за что идти в бой, рваться к врагу, выжимать из себя всё. У каждого своё, личное и глубокое.

Небольшой дворик в наскоро построенных невысоких панельных домах, с железными качелями и столиками для стариков. Аллейка из берёз, через которую так интересно было бегать в школу в самом начале, после эвакуации. Мама, постоянно хлопотавшая по хозяйству, только придя с работы. Отец, работающий на оборонном заводе, постоянно пропадавший и приходящий домой без сил. Катюша, учившаяся в параллельном классе. Он воевал за то, чтобы они просто были живы.

Нормально... Лейтенант довольно прищурился.

Чуть оттянул ремень автомата, взявши его поудобнее. «АДК-Ш/Г»¹⁷ штука надёжная, проверенная и... тяжёлая, что и говорить. Пальцы знакомо и быстро пробежали по широкому прямоугольнику цевья, с ребристыми накладками. Отстегнули толстый дисковый магазин на шестьдесят патронов. Лейтенант придирчиво осмотрел устье с механизмом подачи, чуть подвигал верхний «патрик». Нормально, смазанная двойная пружина мягко подталкивала латунную длинную «сигару» с конусовидным концом вверх. Приклад был штатный, нескладывающийся, деревянный с металлическими вставками. Взводный уже успел убедиться – эта конструкция, с виду неказистая, иногда очень выручает. Череп того фрица, кинувшегося с ножом месяц назад, лишь хрустнул от удара... и все.

Проверил самый конец ствола, куда тоже уже пришлось пару раз вставлять цилиндр гранаты. Чисто, никаких незаметных комочков грязи, которые на удивление ловко и быстро прилипают от самой небольшой прогулки по траншеям. Поправил собственноручно сшитый белый чехол, закрывающий большую часть оружия. Они не разведка, но если вдруг снег пойдёт, то лишний шанс уберечься от прицельного огня. «Попона» шла в довесок к бело-грязной камуфлированной ткани защитных щитков и самого жилета.

Напоследок пару раз достал и вложил обратно «ГТ» и нож. Кобуру недавно привёз в подарок однокуртник, ездивший куда-то за Урал за боеприпасами и оружием. Хоть и сразу после выпуска, оказавшись в части, постарался примазаться к интендантам, но дружбы с сокурсниками не разваливал.

¹⁶ Б(оевой) У(став) – то, что определяет жизнь, поведение, быт, обязанности и положение каждого военнослужащего в армии. Прим. автора.

¹⁷ АДК-Ш/Г – автомат Дягтерёва-Калашникова, конструкции 1950 года. В данном случае указан целый личный стрелковый комплекс под маркировкой Ш(турмовой)/Г(гранатометательный). Под итурмовым имеется в виду тот факт, что: 1) калибр автомата – девять миллиметров; 2) боепитание: пули с усиленным сердечником, и (самое главное) с возможностью применения патрона от немецкого «манлихера-53/иттурмер». А это весьма важно в ситуациях, когда отсутствует поднос боеприпасов на поле боя. Как правило, те части Вермахта, что сидели в позициях на линии фронта, комплектовались именно вышеуказанным стрелковым оружием; 3) гранатометательный же означает вовсе не наличие подствольного гранатомёта. В конструкции предусмотрена возможность отстрела гранат калибром тридцать миллиметров со ствола, при помощи холостых патронов. Не очень удобно, конечно, так как приходится менять магазины с боевыми «патриками», но иногда просто необходимо. Прим. автора

Сам лейтенант, поначалу косившийся в его сторону (а то, тыловой грызун-то!!!) вскоре смог справиться с собой. Вот и результат, надёжно закреплённый на бедре, доказывает верность в изменении стереотипов. Стандартная кобура, крепящаяся на ремень, в боевых условиях оказалась не то чтобы неудобной. Мешала она, в нужный момент оказываясь даже не подспорьем, а вовсе наоборот – помехой, чуть ли не смертельной. Ну а нож, взятый в первом бою, оказался хорош. Длинный, широкий, с односторонней заточкой, резиновой рукояткой. Полученный от старшины штык от автомата тоже был с ним, спрятанный в подсумке на поясице. А трофейный вон он, сбоку на груди.

Поводил плечами, прислушиваясь к ощущениям. Нет, всё было в порядке, защитные щитки сидели плотно, но не мешая. Ставшие привычными тяжесть и нагрузка на спину от жилета только придавала уверенности, также, как давление от шлема. Спасибо тем, кто не спал ночами, создавая всё это для таких, как он ребят здесь, на фронте. Сколько жизней сохранено только благодаря такой вот защите, сколько осталось неискалеченными солдат. Лейтенант оценил и понял в первый раз, испуганный и чуть не наложивший в штаны, поднятый рукой вот этого самого сержанта, шёл в бой. Стук от осколков разорвавшейся рядом фрицевской гранаты, дробью прокатившийся по шлему, врезался в память навсегда. Сам выбрал куда пойти, штурмовая пехота – это не то место, где можно «загаситься», совсем не то.

Он посмотрел на циферблат, понимая, что совсем скоро наступит то самое время, обозначенное на «летучке» командиром батальона. Обвёл глазами ближайших бойцов, встречаясь со спокойными ответными взглядами. Эти не подведут, никогда и ни за что, в этом взводный был уверен на сто процентов. Осталось лишь дожидаться ракеты.

– Туточки они, тута... – сапёр обернулся к напарнику. Скуластое лицо чуваша довольно улыбалось. – Видишь?

– Не мельтеши. – тот вытер лицо рукавицей. Осторожно поправил капюшон маскхалата, низко опустившийся на глаза. – Вижу, они.

Оба лежали в небольшой канавке, когда-то прорытой то ли ручьём, то ли рукавом недалёкой реки. Перед ними расстиралось, на сколько глаза глядят, сплошное белое покрывало поля. Не простого, когда-то перепаханного плугами и боровами, а самого отвратительного из всех возможных полей, включая ледовые на полюсах. Поле перед двумя сапёрами было минным.

Оборудованным хитрой начинкой по всем правилам сложной военной науки и предназначенным лишь для одной цели: не дать пройти врагу. Те, кто не должны были пройти, сейчас теснились в узких траншеях далеко за спинами двух людей в маскировочных халатах. Там, за бруствером, ждали своего часа несколько батальонов. И для того, чтобы они смогли атаковать, этим двум нужно сорвать как можно больше мин, спрятанных их «коллегами» с той стороны.

«Открывашки» ждали рядом, заботливо и аккуратно уложенные на специальные салазки. Два заряда, способные подорвать большую часть минного поля и дать возможность пехотинцам добраться до хорошо заметных траншей перед сапёрами. Если напрячь слух, то пару раз можно было расслышать лающие гортанные команды. Там, на «той» стороне, сейчас шла такая же жизнь, как и на этой, «своей». За маленьким исключением: на «нашей» стороне все точно знали, что через пару десятков минут начнут убивать «соседей», а вот те про такое ведать не ведали, и слышать не слыхивали.

То, что разглядел глазастый сапёр, родившийся в деревеньке под Чебоксарами, была верхушка одной из мин. Плохо заметная чёрная болванка, которую очистил от недавно выпавшего снега сильный ветер. Но именно от неё, такой, казалось бы, незаметной, можно было плясать дальше. Напарник первого ИСР-овца¹⁸ старательно прикрыл глаза белой шерстяной перчаткой (со снайперами приходилось считаться), внимательно пошарил глазами вокруг.

¹⁸ И(нженерно)-С(апёрная) Р(ота) – подразделение, существующее практически в любом полноценном стрелковом

– Всё, засёк. – Под плотной тканью маски его губы слегка улыбнулись. Первый этап задачи выполнен, мины обнаружены. Осталось ещё два: подготовить «открывашки» и вовремя их запустить. А это тоже далеко не просто, если не сказать наоборот. Укрепления немцев здесь находились очень близко, выдвигаясь вперед тупым углом, создавая опасность и для противника и для самих себя. Вот фрицы и дождались... сапёр улыбнулся ещё раз. Что-что, а подарок для своих ребят и для немцев он постарается сделать так, как надо. Проход через поля у пехоты будет хороший, широкий, разве что не ровный. Ну, да и ладно, небось вовсе не на променад собрались.

Сапёр подхватил свои салазки и пополз от напарника, стараясь вжаться в землю и ничем себя не выдать. Говорить не было необходимости. Пара давно понятных жестов на пальцах, и всё ясно. Невеликая премудрость для тех, кто знает, что делать. Поле рванут с двух сторон, чтобы затралить как можно больше плоских тяжёлых дисков, спящих под снежным покровом.

Стрелки на часах, уже подошли к нужной отметке, когда он закончил последние приготовления. Осталось всего ничего, только дожидаться сигнала и повернуть ручку динамомашин. А потом... можно, конечно, отползти назад, а можно и пойти с пехотой. Это уж как карта ляжет. Деревню сапёра сожгли пять лет назад, когда подразделения СС прочёсывали районы у Сызрани, это он знал точно. А долг, как известно, платежом красен.

Глава восьмая

«Сталкиваясь с проблемой на задании

Боец РДГ самостоятельно принимает меры ее решения

Согласовываясь со всеми рисками

И принимает их на себя»

(«Подготовка личного состава войсковых РДГ,

Согласно требований БУ-49»,

изд. НКО СССР, ред. Заруцкий Ф.Д, Тарас Ф.С.)

Дверь блиндажа гулко стукнула. Гауптман Роецки, командир усиленной второй роты гренадер-батальона полного состава «Кениг Фриц», отвлекся от не очень свежего номера «Фёлькишер беобахтер». Нечего читать, совсем... И кто виноват? Ганс?

Нет, с чего бы? Злиться на денщика желания не возникало. Чёртов Восточный фронт, чёртовы русские пространства! Роецки, мог без запинки перечислить своих предков вплоть до легендарного раубриттера Гуго Роецки, положившего начало роду и воспитывался не так, чтобы читать то, что лежало перед ним. Это его кузенам по материнской линии, особенно очкарикам с учеными степенями, тем да...

Но кого в интендантском ведомстве обер-команде дес Хереес интересовали потребности пусть и заслуженного, но самого обычного гауптмана в, хотя бы, «Шпигеле»? Верно, абсолютно никого. И лётчиков, где служил давний дружок Руди – перевели куда-то дальше, на участок фронта напротив города с очередным диким, для уха нормального вестфальца, названием. Эти ребята, постоянно мотавшиеся далеко на запад за новыми самолётами, подкидывали, бывало, что-то поинтереснее. А сейчас и их отправили в новую русскую задницу с непронишимым названием. Как же его?..

– Ганс? – Роецки обратился к денщику, плотному и спокойному баварцу Лемке.

– Да, герр гауптман? – тот был занят тем, что расчищал стол командира.

Выбросил окурки из пепельницы майсенского фарфора, привезенную с вещами офицера из дома. Поставил на столешницу, укрытую уже не чистой (а положил он её с вечера) скатертью кофейник.

– Не помнишь, куда откомандировали летунов, что стояли рядом?

– Эм... – брови солдата сошлись над переносицей. – Кажется... Алиметьевск?

– Да, точно. Спасибо, Ганс, твоя память, как всегда, безупречна. – Роецки встал, чтобы не мешать разбирать тот бардак, созданный им за время очередной наполовину бессонной ночи. – Что тут у нас?

– Завтрак, герр гауптман. Омлет с колбасой, яблочный мармелад и хлеб. Кофе я заварил вам из собственных запасов.

– Чёрт, Ганс, не могу представить, как я буду без тебя после войны. – гауптман дружески потрепал солдата по плечу. – Так обо мне не заботилась даже гувернантка у моей бабушки.

– Думаю, герр гауптман, что после войны о вас будет, кому побеспокоиться. – солдат перекинул через плечо полотенце, которым смёл со стола. – Найдёте себе красивую фрэйляйн и та будет заваривать вам кофе по утрам, делать и сервировать домашний завтрак. Вы любите наши, баварские сосиски, с чесноком, травами и мускатным орехом, герр гауптман?

– Да, Ганс, люблю, но только не с утра. Никогда не отказывал себе вечером в паре кружек холодного мюншенера, вот тогда сосиски с твоей родины оказывались как раз к месту.

Скучаешь по дому, Ганс? Да не бойся, я спрашиваю не для того, чтобы потом пообщаться с господами секуристами.

– Скучаю, герр гауптман. Помните, год назад вы лежали в госпитале? А мне герр оберст дал две недели отпуска, пока вы выздоравливали после операции. Попал как раз в мае, когда цвели ябло. . .

Роецки, который искренне привязался к своему постоянному денщику, прошедшему вместе с ним последние несколько лет, так и не успел узнать историю про апфельблумен в Баварии.

Блиндаж строился крепко, с накатом из двух слоёв брёвен и толстым слоем земли и дёрна. Но он не был рассчитан на прямое попадание снаряда советской гаубицы ДС-44, бьющей на несколько километров с закрытых дистанций, отправляя снаряд по такой траектории, чтобы в цель они попадали под практически прямым углом. Также гауптман, уже успевший присоединиться к компании своих доблестных предков, никак не мог знать, что выстрел был пристрелочным. А вот остальные, выпущенные в два десятка залпов после, ушли точно в цель, аккуратно укладываясь по позициям его собственной роты и всего батальона. Что мог успеть подумать денщик Ганс Лемке, так же осталось для него загадкой.

«Тралы», запущенные сапёрами, прошли по минному полю густо, сорвав много круглых болванок, таящих в себе смерть всему живому. Густые клубы чёрного и серого дыма от сработавших мин, начали рассеиваться ветром, когда в ход пошли дымовые шашки. Первые тяжёлые фигуры горохом посыпались с бруствера вперёд, ведомые приказом и долгом перед собственной страной, семьями, незнакомыми людьми оставшимися за линией фронта, всем тем, что было для каждого из бойцов родным.

Там, позади, укрывшись в рошицах и перелесках, спрятанные за несколькими холмами, что тянулись по-над рекой, грохотали десятки орудий. Наступление трёх полков, просчитанное в штабе 2-ой ударной дивизии Приволжского фронта, началось в точно назначенные сроки. Сотни людей, весь сложный механизм, руководивший ими, сейчас работал на успех. И всего несколько человек, посвящённых в тайну, знали настоящее значение неожиданного удара на этом участке.

Остальные. . . остальные не знали ничего. Они просто шли вперёд, стреляя в уже хорошо видимые фигурки врагов, подносили снаряды, заряжали, вели огонь батарей. Стояли на КНП¹⁹, кричали в эбонит микрофонов станций и полевых телефонов необходимые приказы. Рвали на себя ручки фрикционов, кидая стальные тела боевых машин вперёд. Нажимали на спуск, отправляя вперед очереди и одиночные. Передавали координаты, стараясь рассмотреть поправки через дым и летящие землю со снегом. Бежали быстрее быстрого, стараясь достать до немцев раньше, чем те опомнятся. Закидывали мины в жерла минометов, заставляя фрицев еще сколько-то секунд вжиматься в землю. Тянули катушки проводов, не надеясь на радиосвязь и стараясь обеспечить такое необходимое взаимодействие. Оттаскивали на себе раненых, захлёбывающихся кровью и матом из орущих и перекошенных ртов.

Для каждого из них наступил тот момент, которого ждали долго, упорно, стискивая зубы от ненависти и стыда. Они просто воевали, идя в бой против тех, кого не звали на эту землю.

Лейтенанта уже вскользь зацепило. Шальная пуля, скорее всего из штурмового карабина, чуть чмокнула на излёте. Прожгла рукав маскировочного халата, бушлата, нательного чистого белья, вспорола кожу с мякотью. Кость, слава Богу, не зацепила. Ближайший к командиру

¹⁹ *К(омандно)-Н(блюдательный) П(ункт)* – укреплённая (как правило, но вовсе необязательно) точка, с которой командирами осуществляется ведение боя. В нормальном состоянии КНП представляет собой хорошо укреплённую сеть блиндажей и ходов сообщений, подходящих с линии траншей. На пункте находятся все необходимые средства связи и коммуникаций, небольшая оперативная группа прикрытия, посыльные, связисты и проч. Прим. автора.

боец, торопливо выхватив перевязочный пакет из подсумка, наскоро перебинтовал. Кровь на лёгком морозце, к счастью, остановилась быстро. Взвод, также, как и три соседних, упорно шёл вперёд. Прикрываясь плотным серым дымом из шашек, играючи преодолели первые метров триста. Идти было несложно, воронки и чёрный снег от подорванных мин проложили хорошую дорожку. Пока ветер не разнёс дымовое прикрытие – шли на грохот от разрывов.

«Боги войны» не подвели, не дали испугаться. Рискованно, конечно, было идти под свистящими над головой тяжёлыми болванками. Но риск стоил того, первые несколько минут фрицы даже и не думали огрызаться. Сидели, вжавшись в землю, осыпаемые её мёрзлыми комьями, чёрным снегом и густыми красными каплями, летящими от тех товарищей по оружию, кому не повезло спрятаться от снарядов русских.

Рёв и взрывы продолжались около двух-трёх минут, того самого рассчитанного в штабах времени, что должно было хватить штурмовой пехоте, чтобы подобраться к врагу вплотную. И его ребята, и соседи, друзья-товарищи, угловатые в броне, широкими грязно-белыми пятнами сейчас виднелись повсюду. Спешили, бежали что есть сил, торопясь успеть, пока не очухались в окопах на «той» стороне. Но всё-таки не успели.

Один, второй, третий... басовито зарокотали в приближающейся тёмной полосе станковые МГ. Жёлтые вспышки в узких, не видных практически с поля щелях, венчики пляшущего пламени на кончиках толстых стволов. Визг плотных стаяк трассеров, раздирающих воздух, хлещущих стальными бичами крест-накрест. Пулеметчики были жестко и умело, выхлестывали ленты, одна за одной, стараясь не подпустить русских.

Вот ткнулся головой вниз один из солдат, бежавших в первых рядах. Плеснуло ярким, таким заметным на фоне грязного и чёрного от сгоревшей взрывчатки снега вокруг. Свернулся в клубок чей-то любимый сын, брат, муж, отец, дядя, сват, или просто пусть и не родной, но близкий человек, которого ждали за Уралом.

Очередной безымянный для многих герой, который делал всё что мог, чтобы пусть и нескоро, но на этой земле можно было жить. Дышать вольным и чистым воздухом, строить жизнь, растить детей. Каждый из тех, кто сейчас бежал вперёд по заснеженному полю, мечтал делать это сам, но знал, что даже если не выйдет у него, должно быть у кого-то другого. И никак иначе, только так. Потому что это война каждого. А этот солдат, который может и с другого взвода, роты, батальона, будет отомщён. И память о нём будет жить дальше, передаваясь из поколения в поколение, потому что по-другому было нельзя. Ведь это общая, одна на всех война.

А пулемёты продолжали стрелять трещотками, жадно, захлёбываясь очередями. Падали, падали солдаты в штурмовых комплектах защиты. Воздух продолжал рваться на куски роями голодных стальных ос, прошивающих насквозь людей с маленькими красными звёздочками на шлемах. Ноте шли, шли и шли вперед, наливаясь еще больше злобой и яростью.

Лейтенант прижался к земле, прикрывшись разбросанной взрывом противопехотной мины, грудой вывороченной земли. Вскинул автомат, к стволу которого на полном автомате, не помня, когда он это и сделал, прикрепил гранату. Быстро поменял магазин, прищёлкнув холостые патроны. Вскинул тяжёлый механизм, поймал в прицел одну из щелей, плюющуюся огнём в их сторону. Прикинул расстояние и поправку для очень нужного результата попадания, взял чуть вверх и левее. Выдохнул, выбрал момент и плавно, как на стрельбище, выбрал спуск.

Отдача от мощного девятимиллиметрового патрона сильно толкнула плечо. Граната фыркнула, отправившись в полёт по кривой дуге, ставшей к концу более пологой, стремящейся к цели стрелой. Оставила за собой быстро исчезающий, дымный след. Она воткнулась ровно туда, куда было необходимо попасть. Молниеносно юркнула в едва заметную щель-бойницу. Взрыв-не взрыв, не особо громко, больше похоже на хлопок, с густым белёсым дымком. Крик внутри укрепления был намного громче. Ствол МГ заметно дёрнулся, застыв чёрной корягой, торчащей прямым в низкое, серое и снежное небо.

– Ур-р-р-а-а-а-а!!! – басовито рявкнул сбоку невесть как оказавшийся рядом с командиром «замок». Вскинулся одним прыжком, перебрал удобный свой автомат и ринулся вперёд ртутным живым шариком.

Лейтенант привстал, шаря глазами вокруг. Дым развеялся, давая возможность оценить то, сколько полегло однополчан, только что двигавшихся вперёд вместе с ним. На какой-то момент ему показалось, что из батальона осталось чуть больше одного полноценного взвода. Но всего на какой-то момент. Зарокотало справа, слева, сзади. Высокие мощные фигуры, укутанные в зимний камуфляж, виднеющийся из-под носимой защиты, кажущиеся неповоротливыми и большими, вставали во весь рост. И шли вперёд, собственной огневой мощью пробиваясь к совсем уже близкой линии траншей.

Злость и ярость, кипящие внутри, просились, рвались наружу, подталкивали бурлящим адреналином и...

– Ур-р-р-а-а-а-а-а-а!!! – лейтенант вскочил, чувствуя, как совсем ушёл в никуда противный липкий страх, не так давно попытавшийся скрутить его изнутри.

Шаг, второй, следом за теми, кто уже нёсся вперёд, даже не прижимаясь к такой спасительной земле. Они шли в самоубийственную атаку, обычные парни, родившиеся на этой великой земле, шли не пригибаясь и уже не прячась, подавляя врага одним только видом и древним, пришедшим из глубины времени боевым кличем. И те дрогнули, понимая, что здесь и сейчас они уже ничего не смогут сделать этим вот мужчинам и женщинам, не боящимся смерти. И для них не надо было никакого специального вещества, про которые они и не слышали. Не было никакого боевого безумия, не было алого тумана перед глазами и жажды убийства. Была лишь ледяная ненависть к тем, кто пришёл в их дом, сжигающая изнутри не хуже пламени...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.